

УИЛЬЯМ МОРРИС

РАЗЛУЧАЮЩИЙ
ПОТОК

Часть сборника: Воды Дивных Островов (сборник)

Уильям Моррис
Разлучающий поток

«ЭКСМО»

1897

Моррис У.

Разлучающий поток / У. Моррис — «Эксмо», 1897

«Сказывают, текла некогда могучая река, и несла она свои воды на юг, где впадала в море, и там, в устье реки, в удобной и широкой гавани, стоял крупный богатый город. Город сей, заложенный так удачно, рос и процветал, и смотревшему на корабельные мачты в его гавани казалось, будто он видит сосновый лес, только стволы в том лесу очистили от коры и отполировали...»

© Моррис У., 1897

© Эксмо, 1897

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	14
Глава V	16
Глава VI	18
Глава VII	21
Глава VIII	24
Глава IX	26
Глава X	30
Глава XI	33
Глава XII	37
Глава XIII	39
Глава XIV	41
Глава XV	44
Глава XVI	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Уильям Моррис Разлучающий поток

Глава I О реке, именуемой Разлучающим потоком, и о народе, что обитал на её берегах

Сказывают, текла некогда могучая река, и несла она свои воды на юг, где впадала в море, и там, в устье реки, в удобной и широкой гавани, стоял крупный богатый город. Город сей, заложенный так удачно, рос и процветал, и смотревшему на корабельные мачты в его гавани казалось, будто он видит сосновый лес, только стволы в том лесу очистили от коры и отполировали.

Морские приливы питали реку водой, и самые большие дромоны да круглые корабли пускались в плавание вверх по её течению. Они частенько бросали якоря у мирных поселений верхней страны, и реи их разве что не касались окон крестьянских домов, а бушприты навозных куч, где рылись свиньи да раздражённо кудахтали куры. Пылкие юноши и девушки, что просиживали торжественную воскресную мессу в серой церкви, могли разглядеть высокие мачты в окнах боковых приделов между изображениями святых. Мысли их уносились далеко от священника, бормочущего молитвы мессы, от его слов и жестов, и пред глазами их проплывали далёкие земли и диковинные народы, а в сердца прокрадывались мечты о странствиях. Они желали увидеть необычные вещицы, вроде тех, что суда с обветренными бортами и рангоутом частенько привозили к жилищам поселян, никогда не покидавших своих владений. Иным юношам и девушкам даже казалось, что, выйди они из церкви, тут же увидят спускающегося по сходням апостола Фому Индийского, прибывшего, чтобы посмотреть, как морозной зимой жители полей в верхних землях справляют Рождество да как пируют они на Святки. Даже во время отлива, когда вода опускалась и крупные морские суда с глубокой осадкой уже не могли подняться вверх по течению (а более чем за сотню миль от моря они и не заходили), эта большая река казалась широкой и величавой, и, тиховодная и спокойная в нижнем своём течении, при юго-восточном ветре несла баркасы¹ и другие мелкие судёнышки, что не опасались на её водах сильной качки. Если же ветер был противный, то нетерпеливые торговцы могли впрячь коней или быков, чтобы те тянули суда. И немало товаров попало так в самые разные места.

Надобно ещё сказать, что и другие реки втекали в этот большой поток, и некоторые из них были не меньше Темзы у Абингдона*, где я, записавший это сказание, живу в братстве чёрных каноников* – да пребудут благословенны святой Вильям, святой Ричард и святой Августин*, что светит нам во тьме! А иные из притоков были даже и того шире, так что в местах тех, испещрённых водными путями, водилось много рыбы.

Называлась эта река Разлучающим потоком, а город в её устье – Градом Разлучающего потока, и если знать всё то, что я поведал о течении реки да о торговых судах, поднимающихся по ней в верхние земли, то никого не удивит такое название. Впрочем, сами горожане, как и жители земель, принадлежавших городу (но первые в особенности), не могли понять причину, по которой река носила таковое имя. Они очень любили свою реку, гордились ею и часто шутили да в незатейливых разговорах смеялись над её прозванием, говоря, что она скорее Объединяющая, а не Разлучающая, ведь она объединила земли и жителей разных берегов да населила пустоши, позволив им расцвести. Не было ни одной дороги из тех, по которым

¹ Здесь и далее объяснение слов, отмеченных «звёздочками», см. в Комментариях.

передвигаются верхом ли или на упряжках, что заслужила бы столь много благословений или доставила столь много радости, сколько широкий речной путь. И всё же, должно быть, ни одно имя не даётся ни городу, ни горе, ни реке без причины, но люди склонны называть местности в память о деяниях или других событиях, случившихся там, а то и по иным поводам, и точно то же вполне могло произойти с Разлучающим потоком. А так как я сам кое-что ведаю об этом, то поделюсь сейчас и с вами.

Следует знать, что все блага эта могучая река даровала лишь равнинам близ города да плодородным пастбищам с пашнями холмов и долин к северу. Но ежели кто собрался бы подниматься вверх по её течению, всё дальше и дальше, то непременно достиг бы того места, где река спускалась с гор. Там, милях в двухстах от впадения реки в море, она уже не поражала своим величием, как ниже по течению, но оставалась такой же могучей и сильной. С гор вода сходила тремя большими токами и множеством меньших. Зрелище это внушало ужас и страх, ибо вода заливала всё горное ущелье, не оставляя опоры для ног путника. Даже козы не могли пройти через эти места. Только на высоте в сотню футов над водой или ещё выше того вилась тропинка, но узкая и неверная. И, словно мельничный ручей для жуков и землероек, населяющих луг подле него, была эта река для сыновей Адама и зверей, живущих в тех краях. И никто не осмеливался перекинуть мост через её воды.

И ежели вам с великими трудностями и немалыми опасностями всё же удавалось пересечь горный хребет (ибо, как уже говорилось выше, вдоль по речному ущелью никто не мог пройти) и вновь спуститься уже с другой стороны гор, то перед собой вы вновь видели ту же самую реку. К северу от гор она пересекала большую пустошь, где не было ни деревьев, ни кустарника, ни даже травы, а только скалы да песок. Здесь она была широка и неглубока, но с таким быстрым течением, какого и словами не передать. По обоим берегам её тянулись широкие безлюдные земли, усеянные камнями, что река принесла с гор. Следует знать: оттуда, вверх по течению, до самых речных истоков ещё выше в горах, река оставалась многоводной и не замедляла бега, разве что, может быть, сужалась или расширялась, смотря по тому, мелко или глубоко было её русло. Пока река текла по песчаной пустоши, в неё впадали лишь едва заметные ручейки, питали же её потоки со склонов и холмов, что видны были и с одного, и с другого берега, если идти дальше к северным горам, где, как уже говорилось, река и брала своё начало.

Если же вы пройдёте по этой пустоши миль шестьдесят, картина изменится: деревьев, правда, вы не увидите, но появится трава. Западный и восточный берега поднимутся заросшими до самых вершин склонами, увенчанными чёрными отвесными скалами. Река станет глубже и уже, и течение её усилится. Берега же поднимутся, доходя до двадцати футов, и станут ещё круче. Таким ландшафт останется ещё долгое время, разве что берега будут становиться всё выше по мере приближения верхней части речной долины к северным горам.

Чем выше вы подниметесь, тем плодоноснее станет покрытая травой земля, и в иных расщелинах или прочих укромных местах вы заметите берёзовые, а иногда и рябиновые рощицы. Но гуще всего трава растёт на берегах Разлучающего потока, там, где они слегка вздымаются, прежде чем спуститься к воде. Здесь, где река изгибается так, что какое-то время течёт на юг, на приречных холмах восточного берега, на самом изгибе петляющей реки, приютилась прелестная маленькая пашня. В этих местах, на нескольких участках, огороженных от оленей, что могли бы вытоптать посевы, выращивали рожь да немного ячменя, шедшего на солод для пива и эля, ведь население верхних земель не имело утешения в вине. Следует также сказать, что на восточном берегу Разлучающего потока земля была тучнее, чем на западном.

Что же до жителей этих земель, то даже в наше время их не-много, а в дни, когда свершались события моей повести, было и того меньше. Знать – короли, графы да старейшины – там не водилась, да и для разбойников жизнь в долине этой реки показалась бы тяжкой. И всё же люди населяли как восточную её часть, так и западную. Жители и той, и другой не были целиком отрезаны от окружающего мира. Хотя и опасным путём, но всё же можно было

пройти вверх по склонам и перебраться через них, а там, миль за сорок от западного берега и за пятьдесят от восточного, путник спускался в довольно населённые земли, где стояли два или три торговых города, куда жители долины нередко наведывались, чтобы сбыть избыток шерсти и разный мелкий товар. Себе же в городах они покупали ножевые и горшечные изделия, но больше всего досок и строительного леса, которых не было дома.

Следует знать, что если название Разлучающий поток не оправдывало себя в нижнем его течении, то в верхней долине, начиная с южных гор, оно было как нельзя кстати, ибо ни одна живая душа, кроме летящей птицы, не могла пересечь воды реки. Даже если бы кто и добрался вверх по течению до того места, где река стекала с больших гор, то и это не облегчило бы ему переправу, ибо пред таковым путником предстали бы лишь отвесные скалы да нагромождения огромных утёсов – естественных крепостей, на которых в безопасности обитали орланы, скопы да кречеты. Единственное, что могли жители восточной и западной долины, это только кричать друг другу через бурлящую и клокочущую чёрную воду, и иногда им казалось, будто они общаются на некоем неизвестном ужасном языке.

Конечно, по праздникам, и прежде всего в канун летнего солнцестояния, все, воспрянув духом и одевшись в свои лучшие праздничные одежды, собирались вместе там, где река была уже всего. (Правда, нашлось бы и ещё одно, более узкое место, но об этом позже.) И на одном, и на другом берегу тогда зажигали по колесу и играли, как обычно играют по таким праздникам. И вот раздавались звуки струнных и рогов, пелись старинные песни, поднимались кружки за здоровье жителей разных берегов, а потом, наконец, все расходились по домам, пожелав друг другу удачи. Но никогда никто из живших на восточном берегу не касался руки жителя берега западного, разве что после долгих странствований могли встретиться жители торговых городов, но это случалось далеко, очень далеко от долины Разлучающего потока.

Глава II

О Ведермеле и маленьком Осберне

Вот мы и подобрались к самой сути нашего рассказа. Теперь же поведаем о поселении под названием Ведермель, что расположилось когда-то на восточном берегу Разлучающего потока, ближе к горам, в самом начале долины. Оно стояло одиноко, более одиноко, чем какое бы то ни было иное во всей речной округе. Ближе него к горам стоял всего лишь один жилой дом, да что дом – небольшая хижина. Деревушка уютилась в уютном местечке: её постройки укрывал низкий широкий холм, с пологого юго-западного склона которого из года в год собирали неплохой урожай зерна. Этот холм, холм Ведермеля, возвышался посреди плоской долины на расстоянии мили от берега. Во все стороны от него простирались славные пастбища, где паслись коровы, кони да овцы. На западе эти пастбища ограничивал речной берег, а на востоке они доходили до середины склона долины, дальше заросшего кустарником: его пережигали в уголь или топили им печи. По ту сторону холмов пастбища для овец тянулись на мили вперёд.

И всё же, хотя эта земля была столь же плодородна, как и вся та страна, Ведермель не почитали за особенно удачное место для жилья, и те, у кого был выбор, не задерживались там надолго, а потому хозяину двора всегда было трудно нанять работника. Многие думали, будто бы это поселение удача обходит стороной оттого, что холм, у которого оно приютилось, исстари служил жилищем гномам да подземным духам, и теперь они сердились на детей Адама, вытеснивших их и посадивших на крыше их древнего жилища зерно. Как бы то ни было, а поселение и в самом деле не процветало. Было, правда, отмечено, что если удача и навещала его жителей, то всегда через одно поколение, переходя не от отца к сыну, а от деда к внуку. Так оно и было в то время, с которого началась наша история.

Случилось, что хозяин Ведермеля скончался, будучи ещё молодым, а через месяц-другой за ним последовала и его жена, и в доме остались только отец и мать этих двоих, здоровые и крепкие (ему было пятьдесят зим, а ей сорок пять), старуха семидесяти лет, родственница и кормилица покойного хозяина, да малый ребёнок по имени Осберн. Тогда ему исполнилось двенадцать, и был он сильным и смелым мальчуганом, высокорослым, светловолосым и милым. Эти четверо и жили в Ведермеле неизменно да разве что время от времени к ним на полгода нанимался работник, стеснённый в средствах. И следует сказать, что на расстоянии десяти миль от Ведермеля как вверх, так и вниз по течению по оба берега реки не было ни одного дома, кроме той хижины, что стояла ближе к горам, на четыре мили выше по течению (то место называлось Буркотом, и найти его было нетрудно). А кроме того, на семь миль вниз от Ведермеля были ещё Расколотые холмы, как их прозвали жители обоих берегов. Так вот, Ведермель стоял на отшибе, в пустынных местах, а потому каждый, кто жил там, должен был ежедневно с утра до ночи усердно работать. Даже Осберн, ещё ребёнок, участвовал в этом. И тогда, в то время, он всё больше занимался домашними делами. Изредка его можно было увидеть и на холме или в его окрестностях, где он распугивал с посевов птиц, или пропальывал зерно, или доглядывал за пасущимися близ ограды старыми конями, или изредка пас гусей. И то верно, что старики любили своего маленького внука, словно сокровище, и неохотно отпускали его далеко от дома, зная и храброе сердце, и своенравный характер мальчишки. Долина Разлучающего потока, а особенно верхняя её часть, дикие края, таила свои опасности. Время от времени какой-нибудь отчаянный отверженец бежал сюда из крупных поселений, правда, вооружённые грабители встречались редко. Бывало, ходили слухи о разбойниках, засевших в горных перевалах, и иногда недосчитывались овец, коров или лошадей. Но вседневно ребёнку стоило остерегаться бурного и быстрого течения Разлучающего потока и волков, что водились на склонах и у подножия гор. К тому же опасность таили и существа, редко показывающиеся

людям: гномы и подземные духи, ведь для них, если верить сказаниям, нет большего веселья, чем утащить в свои владения дитя сынов Адамовых. Хотя бы вот Осберна.

Осберн и в самом деле не уходил далеко от дома, но, скорее, щадя своих родных, а не из-за подлинного страха, правда, он отлично понимал, что за нарушение запрета его ожидают побои. Но вы, в свою очередь, догадываетесь, что это прилежание не могло длиться вечно. И как-то раз, когда Осберн долго не возвращался домой, его дед, отправившись на поиски, обнаружил внука не на лугу и не в потоке, а где-то между – прямо над речной быстриной. Мальчик сумел спуститься по отвесной скале, возвышавшейся вдоль берега будто бы рядами колонн, похожих на органные трубы, переломанные кое-где неведомой силой. В одном таком месте, в скальной нише, наш юнец и сидел, не в состоянии ни продолжить спуск, ни подняться обратно, пока дед не сбросил ему верёвку и не выудил его на луговую траву.

Быть может, отрока и напугали опасное приключение да побои, что достались ему за причинённые родным тревоги. Но хотя Осберн и был тронут слезами своей бабушки и её над ним причитаниями, да и не менее того тем, как старушка-кормилица оплакивала дни его жизни, что так легко могли сократиться, он ещё не раз уходил из дома на поиски неприятностей. Однажды, прогуляв где-то всю ночь, он поутру вернулся домой, счастливый и довольный, правда, сильно проголодавшийся. Когда же старик спросил внука, где тот ходил всё это время, и пообещал подбодрить его доброй поркой, отрок ответил, что не очень-то напуган таким оборотом дела, порка его не страшит, ведь он так весело провёл ночь. А был он далеко от дома, в верхней части долины, и в сумерках (стояла середина мая) встретил там весёлого парня, несколько старше себя. Тот показал ему разные забавные игры и даже привёл в свой дом, «который не построен из камня и дёрна, как наш, – рассказывал мальчик, – это просто дыра в скале. Там мы и провели всю ночь, и никого, кроме нас двоих, в пещере больше не было. Незнакомец показывал мне и другие, более странные игры – да такие чудные! Некоторые из них, правда, испугали меня».

И когда дед попросил рассказать поподробнее, что это были за игры, Осберн ответил:

– Он взял камень, ударил по нему, пробормотал какие-то слова, и камень обернулся мышью, она сначала играла с нами, ничуть не боясь, а затем вдруг стала расти, расти, пока не выросла размером с зайца и даже чуть больше – я подумал, что это была бы замечательная дичь, – но тут заяц неожиданно поднялся на задние лапы и превратился в маленького ребёнка, намного меньше меня. А потом он убежал в темноту, попискивая прямо как мышь за обшивкой стены, только громче. Ну а затем мой товарищ достал большой нож и произнёс: «А теперь, работничек, я покажу тебе забаву и в самом деле интересную». Так оно и оказалось, ибо он приставил лезвие этого ножа к своей шее и отрезал себе голову. Но крови не было, и он не свалился замертво, а просто поднял голову, приставил её на место и, встав, закукарекал что наш большой рыжий петух. Потом он сказал: «Птичка моя, петушок, а теперь я сделаю то же и с тобой». Он подошёл ко мне с ножом, но я, испугавшись, схватил его руку и отобрал нож. Тут мы начали бороться, и я повалил его, но мне сразу пришлось его отпустить: побеждённый, он стал только сильнее. Наконец, он отпихнул меня, расхохотавшись. А потом сказал: «Вот, поистине, в мой дом вошёл победитель! Что ж, я сохраню твою голову на плечах, а то вдруг мне не удастся вновь приставить её, а было бы жаль, если б с тобой случилась подобная неприятность, ведь грядут те дни, когда ты станешь настоящим победителем». После этого, оставив игры и шутки, он попросил меня сесть и послушать, а сам достал маленькую свирель, приложил к губам и начал играть. Музыка показалась мне сразу и нежной, и весёлой. Окончив игру, он поведал о лесах с высокими деревьями: там когда-то давно жили его родичи, мастера создавать прекраснейшие вещицы из золота, серебра и железа. Всё это пришлось мне по душе. Он же произнёс: «Вот что я скажу тебе: однажды ты получишь меч, выкованный отцом моего отца, выкованный ещё в стародавние времена, ведь век моих родичей довольно долог». При этих его словах мне подумалось, что он уже не похож на ребёнка, а, скорее, напоминает очень маленького старичка с седыми волосами и морщинистым лицом, хотя и без бороды, и волосы

его сверкают, словно стекло. Потом я заснул, а когда проснулся, уже рассвело. Я огляделся – рядом никого не было. Тогда я встал и вернулся домой, к вам, и вот я пред вами, живой и здоровый, если, конечно, ты не задашь мне трёпки».

Можете сами судить, напугались прародители Осберна, услышав такой рассказ, или нет. Они знали, что тот, кого повстречал их внук, был гномьего рода. Бабка порывисто обняла мальчика и от всей души расцеловала его. Её примеру последовала и старая няня, которую, к слову сказать, звали Бригиттой. Она воскликнула:

– Видите, родичи, разве не моими молитвами дитя вернулось домой? Расскажи, милый, что у тебя висит на шее под рубашечкой?

Осберн рассмеялся:

– Ты повесила мне спрятанный в шёлковом мешочке клочок пергамена с начертанными на нём знаками. Не бойся, нянюшка, я буду и дальше носить его, раз уж это так важно для тебя.

– Ах, дитя ты моё дорогое, – вздохнула старушка. – Вот что скажу вам, родичи: получила я этот пергамен от нашего священника, то сильный амулет против всякого зла, ибо изображён на нём святой Крест, а кроме того начертаны имена трёх святых королей* и ещё что-то, только я не могу это прочесть, ибо писано по-латыни, как пишут все священники.

И снова обе женщины принялись обнимать и голубить отрока, а хозяин, бурча и брюзжа, стоял рядом. Впрочем, на этот раз Осберн избежал побоев, хотя взбучка ему и была обещана, чтобы подумал на досуге, прежде чем попытаться повторить подобное приключение. Со своей стороны, женщины слёзно просили отрока слушаться своего деда.

Одного только Осберн не открыл своим родичам: что гном подарил ему тот самый нож, которым, играя, отрезал себе голову, да славные ножны в придачу. Гном сказал тогда, что этот дар принесёт мальчику большую удачу. По этой-то причине маленький Осберн и прятал свой подарок под платьем, вместе с пергаменом, на котором были начертаны святой Крест и слова благой мудрости.

Глава III

Волки беспокоят отару

Всё это, да и многие другие случаи, когда юный Осберн, проказничая, убежал из дома, происходили ещё прежде того времени, о котором я сейчас поведу свой сказ. Итак, Осберну, а об этом речь уже шла раньше, исполнилось двенадцать лет. Стояла поздняя осень, ночи становились всё длиннее и длиннее. С семьёй тогда жил один наёмный работник, и обязанностью его было выгонять на выпас овец, а пасли их либо на склонах восточных холмов, либо ближе к потоку, чтобы не поели траву, которой кормились коровы. Осберн по просьбе своего деда (и не без собственного желания) часто отправлялся в поля вместе с работником Джоном, чтобы помогать ему собирать овец в кучу. И вот однажды вечером Джон (а Осберн тогда не ходил с ним) вернулся с холмов позже обычного и выглядел бледным и испуганным. Он рассказал, что как только дневной свет начал тускнеть, три огромных волка напали на отару и убили нескольких овец. По самому виду Джона каждому было понятно, что он не стал сражаться с волками, а стоял в сторонке, пока те заканчивали свой ужин, а затем собрал овец, но не всех, а каких смог, опасаясь подходить близко к месту расправы. Хозяин выбрал его за трусость и хотел было даже лишить ужина, ведь, считая зарезанных волками и тех, что после разбежались, отара стала меньше на семнадцать голов. Джон выкручивался как мог: у него с собой и оружия-то не было, кроме пастушьего посоха, да и волки сразу прикончили его собаку. Пока же он оправдывался, Осберн, сидевший рядом, удивлялся, как такой крепкий и высокий мужчина мог оказаться таким большим трусом.

На следующий день Джон с хозяином всё же решили пойти на холмы, посмотреть, не удастся ли найти целыми и невредимыми хотя бы двух-трёх из пропавших овец. Каждый из мужчин взял с собой щит и короткое копьё на случай, если волчье воинство нападёт на них посреди дня. В то время Осберн по просьбе деда погнал стадо к воде. Мальчик охотно взялся за это поручение: чудесный поток, похоже, всегда манил его. Тот день пролетел для Осберна незаметно. Он бродил за овцами, заботился о них, а иногда доставал свой нож, чтобы взглянуть на него: он часто так делал, когда оставался один. Это и вправду было прекрасное оружие. Рукоять украшала причудливая резьба, клинок – золотые руны, а ножны были сплошь из серебра. Иногда Осберн стоял у кромки воды, глядя через поток, что был шириной с Темзу у Рединга* или, местами, немного уже. Но в тот день он ничего там не увидел, кроме дикой птицы да быка, с мычанием пробежавшего мимо, словно по какому делу (его пастух так и не показался). И Осберн вместе с целой и невредимой отарой вернулся домой ещё засветло. Он и не уходил далеко от дома: дед запретил ему это.

Вскоре пришли и хозяин с Джоном, и оба были не в самом лучшем расположении духа. Они не сумели найти овец, только шкуры да кости около десяти из них. А вот с волками повстречались: они вновь пришли на то место, где паслась отара предыдущей ночью, и казалось, совсем не страшились вооружённых копьями и щитами людей, а эти последние мужественно повернулись к опасности спиной и убежали прочь, теперь же они сидели рядом, искоса поглядывая друг на друга да обмениваясь колкими упрёками. Правда, оба в один голос заявляли, что волки те были огромными и свирепыми, как черти, тварями – такими, что их испугался бы кто угодно. Наконец, Джон сказал:

– Что ж, хозяин, верно говорят в нижнем Доле, что удача обходит этот дом стороной. Я вот думаю, на вас напали не обычные волки, а существа из рода тех, что могут менять свой облик. Они только в облики волков, а на самом деле это подземные духи, гномы или колдуны, изгнанные из родных мест.

От таких слов хозяин вспыхнул гневом, как и всегда, когда Ведермелю пророчили неудачу. А в гневе он был несдержан и забывал о своих страхах. Он закричал:

– Вы только послушайте его глупости! При всём твоём росте у тебя недостаёт смелости пойти на опасность впереди твоего хозяина, который, ко всему прочему, близок к старости, а теперь ты выдумываешь эти детские сказки, чтобы прикрыть свою трусость.

Джон с ухмылкой ответил:

– Попридержи язык, хозяин. На самом-то деле ты же первый и побежал, да и в двери дома вошёл первым.

– Ты лжёшь! – возразил хозяин. – Но вот что я скажу тебе: кто бы ни боялся тогда, а тебе следует бояться сейчас.

С этими словами он поднялся и ударил работника в лицо так, что тот свалился на пол. Джон вскочил и хотел было ударить своего хозяина в ответ, но как раз в тот момент вошла хозяйка и с ней Бригитта с дымящимся горшком. Казалось, что-то удержало руку Джона, и он угрюмо, но молча сел. Хозяйка спросила:

– Что тут происходит? Ты ударился о край скамьи*, Джон? У тебя на щеке красный с синим подтёк.

И при этих словах Осберн вдруг рассмеялся и неожиданно запел:

Серые хищники, дерзкие с голода,
Поднялись на холм, грабежом промышляя.
Навстречу им копья, стальные, холодные:
Здесь не пройдёт разорителей стая!
Но зубы разбойники в гневе оскалили –
И воины путь не смогли загородить:
Хозяин с работником копья оставили,
Чтоб лишнего груза домой не носить.
Нынче же дома, поев и напившись,
Один из них снова воинственным стал,
Другой же, успешно опять уклонившись,
Бойтся – двойной его страх обуял.
А ты, сероглазая мать-утешитель,
Накрой вновь на стол да поставь нам кувшин!
Пусть оба едят: и трус, и воитель,
Да тот, кто в сторонке приткнулся один.
И ты, дорогая кормилица наша,
Не прячься от нас, а к столу подойди,
И чтоб не остыли ни мясо, ни каша,
Ты труса и храброго есть усади.

Тут и все рассмеялись, хотя двое мужчин не могли при этом не кривиться. Хозяин сказал:

– Смотри, родич, как бы за песню не расплатились с тобой поркой.

Красивое лицо Осберна осветил весёлый смех, и мальчик вновь запел:

О, могучий лорд земли,
Брать дубину погоди.
Лучше пусть она послужит
Тем, с волками кто не дружит.

Затем все приступили к еде, и ели с аппетитом. Женщинам казалось, что в их маленьком родиче скрываются задатки славного воина. Им очень понравились его песни, и они приветливо ему улыбались. Он же, взглянув на одну и на другую, сказал так:

Трёх матерей век не забуду я:
Одна покинула меня,
Но две остались со мной, родные,
Честные, добрые, мне дорогие.

Хозяин же, поев, унял свой гнев и решил, что от внука может быть большая польза.

Глава IV

Мрачный Джон покидает своего хозяина

На следующее утро приходит Джон к своему хозяину и говорит:

– Хозяин, боюсь, не смогу я уйти от тебя, расплатившись за тот пудинг в горшочке, что ты дал мне отведать вчера вечером. А потому ухожу сразу, без оплаты.

– Что ж, – ответил хозяин, – если ты должен идти – иди, и чёрт с тобой. Что же до синяка на твоей скуле, то я заплачу тебе за него, если ты, конечно, приняв плату, останешься у нас, ведь хотя ты и не очень трудолюбив, и не большой мастер работать руками, но зимой здесь довольно одиноко, и нам всё же будет недоставать твоей помощи.

Джон ответил:

– Верно, хозяин, но вот ведь ещё что верно: не нравится мне Ведермель, хоть я и не скажу, что ты дурно со мной обходился. Не нравятся мне твои вервольфы, такие большие и жуткие, что испугали двух дюжих мужчин при оружии. Не нравятся мне и твои гномы, что отрезают себе головы и приставляют обратно да приглашают к себе отроков, отпуская их домой, не причинив ни малейшего вреда. Сдаётся мне, этот гном однажды выстроит здесь себе гостевые палаты, и кто скажет, когда это случится. А я не хотел бы сидеть с ним за одним столом. Да кроме того, ещё и твой внук: он хороший мальчик и славный скальд, хотя муза и находит на него довольно-таки неожиданно, но, на мой вкус, уж чересчур многословен, и я ясно вижу, что вскоре в этом доме будет два хозяина, а для меня и одного-то достаточно. Наконец, о твоих родственниках: я прекрасно знаю, что не дождусь от них доброго слова в свой адрес. Так что пусть это будет последним, что я тебе скажу, и пора мне повернуться к тебе спиной, как только получу причитающиеся мне деньги, и отправиться искать себе кров ниже по долине. В каком-нибудь месте повеселее этого.

Хозяин кисло взглянул на него, затем развернулся и, достав из сундука суму, вынул из неё серебро, отсчитал нужное число монет и положил перед Джоном (которого с тех пор прозвали Мрачным) со следующими словами:

– Вот плата за твою работу – чистое серебро. Больше я не скажу тебе ни слова – ни доброго, ни дурного. Только одно: смотри получше, чтобы деньги твои не растаяли за несколько месяцев. А теперь пусть и ноги твоей здесь больше не будет!

Джон взял своё серебро и, уложив его в кошель, произнёс:

– Что ж, хозяин, теперь, когда со мной рассчитались, и я оплачу тебе за удар в скулу прошлым вечером.

Джон был высоким и крепким мужчиной тридцати зим от роду, а его хозяин уже несколько постарел, да и силой-то не отличался, а потому казалось, что исход драки можно было легко предугадать. Но вдруг, только Джон бросился на хозяина, как неожиданно понял, что пол будто ушёл у него из-под ног и он летит носом в землю. Когда же он захотел подняться, то увидел, что с одной стороны стоит хозяин с дубиной в руке, а с другой Осберн с обнажённым ножом*. Мальчишка смеялся:

– Ты уже и так задержался, да и многого наговорил о своём уходе, так что тебе же лучше не задерживаться надолго. Или ты думаешь, мы пригласим тебя переночевать? Нет, хотя ты и мастер болтать, но не настолько, чтобы, пока ты болтаешь, наступила ночь.

Тогда Мрачный Джон поднялся, стряхнул с себя пыль, забросил через плечо сумку, которую заблаговременно подготовил, и, выйдя из дому, направился в сторону нижней долины – он был слишком пристыжен, чтобы просить одолжить коня. Впрочем, коня бы ему дали.

За разными заботами прошёл день. Овцы паслись рядом с Мелем, но хозяин постоянно повторял, что будь то волки или нет, а на следующий день он обязательно выгонит овец на

холмы. Но он так часто толковал об этом, что казалось, будто ему не особенно-то хочется это делать. Вечером хозяин достал свой старый меч (впрочем, довольно хороший) и сел шлифовать его камнем. А после все отправились спать.

Утром же, ещё прежде, чем рассвело, хозяину сквозь сон слышались чьи-то шаги. Он сел, прислушался и понял, что кто-то шарит по деревянной обшивке стены напротив его кровати-сундука, где висели три щита. А потом он разобрал, как кто-то подходит к двери. Хозяин улыбнулся и снова было лёг, как до него донеслось блеяние овец. От этого звука он встал, оделся, взял копьё и щит и, подпоясавшись мечом, вышел из дома во двор, затем со двора в сторону холмов, но очень медленно. Утренняя заря только занималась, и звёзды ещё были видны. Утро стояло безоблачное. При сером свете хозяин увидел то, что и ожидал увидеть: всё овечье стадо шло в сторону холмов, а за ним, в смутно различимых алых одеждах, следовала низенькая фигура сына Адамова.

Крестьянин улыбнулся и сказал сам себе: «Поистине, этому задире, чтобы отправиться на доблестное дело, непременно требовалось одеться по-праздничному! Сейчас я не пойду за ним, чтобы не испортить ему вкус победы, лучше оставлю его наедине с удачей. Ведь чего-чего, а удачи ему, как я посмотрю, не занимать».

И он задержался у ограды двора, а овцы всё уменьшались и уменьшались, и очертания их становились всё чётче, а алые одежды внука всё ярче. Потом крестьянин быстрым шагом обогнул холм, чтобы тот оказался между ним и домом, и тогда, уже медленнее, направился на север. При этом он говорил себе: «Парень отлично справится, а женщины будут меньше причитать, если увидят, что нет ни меня, ни моего оружия, ибо решат, будто я ушёл на холм вместе с внуком». С этими мыслями он прошёл довольно далеко, держась ближе к берегу реки.

Глава V

Осберн убивает волков

Я ничего не поведаю о том, что происходило с Осберном до тех пор, пока он не вернулся вечером, гоня перед собой отару. Ни одна из овец не пропала, и даже нашлись две из потерявшихся. Юноша нёс в руках щит и копьё, на поясе его висел кинжал гномьей работы, а через плечо был перекинут довольно большой для такого мелкого юнца льняной белый мешок, в котором лежало что-то тяжёлое и сильно запачканное кровью. Юноша сперва загнал овец, а потом, не снимая мешка, прошёл в дом. Он кинул свою ношу к домашнему очагу, затем набросил на плечи балахон и сел перед мешком, заслонив его собой. К этому времени на улице начало темнеть, а в самом доме уже сгустились сумерки, только вокруг огня, маленькие язычки которого плясали на куче горящих дров, было светло. Дом стоял пустой: женщины загоняли коров, а хозяин ещё не вернулся.

Юноша сидел тихо, почти не шевелясь. Первым пришёл хозяин. Услышав бляение овец, он с радостным сердцем поспешил к загону, а там обрадовался ещё сильнее: света восходящей луны хватило, чтобы сосчитать животных, и крестьянин заметил, что к вечеру их стало на две головы больше, чем утром. Тут уж он быстро направился к дому, а за ним поспешили и женщины, загнавшие коров в коровник, и в дом они вошли все вместе.

Хозяин позвал:

– Есть ли кто дома?

И Осберн отозвался со своего места:

– Есть, только мало, ибо сам я малый.

Все обернулись и увидели отрока, завёрнутого в балахон, и что-то ещё за его спиной, но что это было, они не могли разобрать. Дед спросил:

– Где же ты был весь день, родич? Ты всегда бесшабашен и гуллив, и, верно, розги будут достойной оплатой твоих блужданий.

Осберн ответил:

– Я пас овец. Может, я смогу откупиться от розог тем, что нашёл двоих потерянных и привёл в целости всю отару?

– Может, и сможешь, – кивнул дед. – С тобой ничего больше не приключилось?

Юноша сказал:

– А смогу ли я откупиться тем, что принёс домой хорошую добычу?

– Сможешь, если добыча и вправду хороша, – отвечивал хозяин.

– Это всего лишь три бекаса*. Я добыл их в углу того болота, – сказал Осберн.

– Бекасы! – воскликнула Бригитта. – Какой же ты ловкий, воспитанник мой, если сумел добыть их без силка и без аркебуза*. А ведь они порхают, ну что твои бабочки мартовским днём!

– Верно, тётушка, – согласился отрок, – но камень или два могут принести пользу и без натянутой тетивы, если, конечно, пускающий их достаточно ловок. Правда, я смог убить их и без камней. Спросите же меня, что за оружие я на них поднял.

С этими словами Осберн встал, встряхнулся, балахон спал с его плеч – а к тому времени бабушка зажгла свечи, – и все увидели алые и золотые праздничные одеяния юноши. Бригитта удивилась:

– А я ещё спрошу тебя, воспитанник мой, неужели мужчины ходят за бекасами в праздничных одеждах?

– Я отвечу тебе, – молвил отрок. – Оружие, что взял я на охоту, – это щит для защиты, да копье для выпада, да нож для отделения голов. А ещё я скажу, что когда мужчины идут в бой, они обычно одеваются в самые лучшие одежды.

Отрок стоял под крышей дома, невысокий, но прекрасный. Глаза его сверкали, волосы блестели, а из уст вырывались слова:

Там, где ветра над холмами холодные,
Волки бродили, худые, голодные,
Рыскали серые злобными взглядами,
Нет ли овец перепуганных рядом.
Солнце угрюмо на битву взирало,
Хищников, жертв и юнца освещало.
Юноша встал между стаей и стадом –
Бродягам погибель, а овцам ограда.
Этому – в брюхо копье, тому – в пасть,
Третий уже побоится напасть.
Глаз своих солнце сомкнуть не успело,
Как бестий троих сразил юноша смелый.

– Это ты хорошо спел, – похвалил хозяин, – но покажи нам, наконец, бекасов.

Правда, прежде чем юноша успел подойти к своему мешку, ему на шею кинулись две женщины, обнимая и целуя его, словно первый раз в жизни. Но вот, вырвавшись из их объятий, Осберн наклонился над мешком и, достав из него что-то, бросил на стол. Это была отрезанная голова огромного серого волка, разевавшая пасть и сверкавшая белыми клыками. Женщины в ужасе отпрянули. Осберн же сказал:

– Смотрите, вот моя первая добыча, а вот и вторая.

И он вытащил из мешка ещё одну голову и бросил её на стол. За ней своим чередом последовала и третья голова.

– Теперь, – произнёс юноша, – мешок пуст. Как ты считаешь, дедушка, я откупился от розог? А тебя, бабушка, я попрошу дать мне поесть, ибо я голоден.

В ответ Осберна захвалили и заласкали, а стол собрали такой, словно решили во второй раз отпраздновать приход ноября*, и радовались, как радуются во время самых весёлых Святков*.

Глава VI

Жители Ведермеля едут к Расколотым холмам

Дни приближались к зиме, и Осберн с того случая мог делать всё, что хотел, и ходить, куда хотел, даром, что был ещё отроком. Но он, хотя его никто и не принуждал, желал работать, а временами его тянуло побродить по округе. По правде говоря, так как детей одного с Осберном возраста в округе не было, то временами открытое поле или пустошь казались отроку более близкими друзьями, чем взрослые обитатели Ведермеля и даже чем женщины.

Пришла зима, а с ней и снег, и мороз, но не сильный, как хотелось бы многим в этих краях, ведь тогда Разлучающий поток мог бы замёрзнуть, чего, впрочем, никогда не бывало. Одним святочным утром Осберн, дед и бабка ещё задолго до рассвета собрались в путь, чтобы, дойдя до Расколотых холмов, выслушать Рождественскую мессу* в построенной на восточном берегу церкви Всех Святых, приходской церкви той округи. На противоположном берегу была другая церковь, сходная с этой во всём, и даже освящённая точно так же: в честь всех святых. Прихожанами её были жители западного берега. В тот раз Осберна впервые привели на холмы. Кроме того, обычно обе женщины оставались дома, но сейчас ничто не могло заставить старушку отказаться проделать путь до церкви вместе с мужем, ведь там она могла показать своего любимого волкоборца соседям. До поселения на Расколотых холмах было семь миль вниз по течению, и обитатели Ведермеля пошли наискось по покрытым снегом полям, подойдя к речному берегу на полдороге и затем продвигаясь уже вдоль самого его края. К этому времени почти рассвело, и Осберн, взглянув через воду, примерно в полумиле на том берегу (день был очень ясный) увидел два невысоких бугорка посреди поля, а между ними заросли низеньких деревьев. Юноша спросил у своего деда, что это стоит на том берегу, ведь он сам никогда прежде не спускался так далеко вниз по течению. Прежде, чем он убил волков, ходить в эти края ему запрещали, а после того случая Осберн изо дня в день работал по дому и в овчарне да пас овец на холмах.

Дед отвечал ему:

– Это место называется Хартшоу, и мы слышали, что с другой стороны рощи и холмов, на западных их склонах, стоят дома, принадлежащие одному семейству, и те земли именуют Холмами Хартшоу.

Осберн сказал:

– Хотел бы я однажды там оказаться. Сдаётся мне, те места приветливы, и я думаю, что его жители однажды станут частью моей жизни.

Дед ответил:

– Мы слышали, что жителей там немного: только вдова да её единственный ребёнок, малая девочка. Что же до твоего «однажды», то его ещё долго ждать. Много, очень много времени нужно, чтобы обогнуть Разлучающий поток. Разве только придёт к нам Ужасная Зима, и все земли покроются льдом, тогда воды потока останутся, но да избавит нас от этого Господь со всеми святыми.

Некоторое время Осберн ничего не отвечал, а затем сказал так:

– Дед, нам было бы лучше сразу спуститься от дома к берегу реки. Тогда бы мы всю дорогу шли вдоль потока до самых холмов, ведь очень интересно смотреть через воды, размышляя о том, что там на другом берегу, и гадая, попадём ли мы когда-нибудь туда. Почему мы так не сделали, ведь очень удобно идти вдоль берега.

Старик ответил:

– Мы пошли самой короткой дорогой, вот и всё. Утро ведь холодное.

Но он лгал: они решили пойти наискось, чтобы обойти стороной одно место на берегу, которое жители той долины почитали за гибельное. Обо всём этом старик не хотел рассказывать своему внуку, ставшему теперь таким своевольным, он считал, что если внук услышит об опасности, то сгорит от любопытства, пока не испытает на своей шкуре, правду ли разносит молва. О месте же этом, что теперь находилось как раз за спиной путников, подробный рассказ впереди.

Обитатели Ведермеля пришли к холмам вовремя: солнце только поднялось, а люди уже собрались. При их приближении народ на западном берегу приветствовал их криками, как это вошло в обычай у жителей обоих берегов. Первым, кого они встретили, был Мрачный Джон. Старушка, будучи добросердечной женщиной, по-дружески приветствовала его, она была рада встретить знакомого, ведь ему можно было рассказать о победе её внука над волками. Этот рассказ просто готов был сорваться с её уст при виде первого же встречного, вот он и излился во всём многословии, а народ, как мужчины, так и женщины, собирался вокруг старушки и Джона и слушал, ибо рассказчицей хозяйка Ведермеля была знатной и умела говорить без перерыва.

Мрачный Джон вынужден был дожидаться конца этого рассказа, и когда старушка замолчала, он сказал:

– Что ж, сударыня, я всегда считал, что парень этот – особа заметная. И более того, так ведь и случилось, как я предупреждал вас: над вами появился новый хозяин.

С этими словами он отвернулся. Другие же, кто слушал эту историю, и таких было не один и не два, дивились рассказанному, приняв всё, что произошло, за чудо, ведь дитя встретилось лицом к лицу с тремя чудовищами, что обратили в бегство двух крепких мужчин, и убило их. А один из слушателей даже сочинил песню, которая тотчас же зазвучала над Восточным холмом, перекинувшись вскоре и через воды потока вместе с повестью о чудесном событии, и пролившись там, над Западным холмом:

Бежать от врага иль сражаться достойно –
Выбор свободный для каждого воина.
Грозен в бою многоопытный Джон!
Стаю волков увидал как-то он,
Вовремя их он успел повстречать,
Чтоб было кому свой забег показать!
И Осберн-мальш был бегун хоть куда,
Ему не страшны ни огонь, ни вода,
Но ждали его испытанья иные:
Острые копыта да волки лихие.
Ребёнку – битва, бегство – мужу сильному,
Домашним – смех, когда опасность минула.

Мрачный Джон, услышав эту песню, только ругнулся сквозь зубы, но промолчал.

И вот на обоих берегах реки в церквях зазвонили к обедне, и народ начал стекаться на службу. Осберн сидел в удобном месте позади мужчин и смотрел во все глаза да слушал во все уши, как и во весь тот день. Когда месса окончилась, на обоих берегах реки зажгли обеденные костры и разбили палатки, и вскоре все принялись за еду. Потом, когда они немного попели, настало время пить. Все сели парами, правда некоторым мужчинам пары не хватило, так как их было больше, чем женщин. Все мужчины, кроме Мрачного Джона, обходились с Осберном хорошо. Нашлась для него и хорошенькая девица семнадцати зим. Осберн, с усердием рассматривавший всех миловидных женщин (ведь он редко видел особ женского пола, кроме двух своих престарелых родственниц), был удивлён тем, какая большая радость накатывала на него, когда девушка скидывала капюшон или стягивала перчатки. Она же, хотя Осберн и был всего

лишь ребёнком, смущалась, помня, что рассказывали о его доблести. И только после того, как они выпили чашу-другую, Осберн отважился обнять её за шею и поцеловать в щёки и в уста. Девушка тотчас вспыхнула, словно роза, и все, кто был с ними в одной палатке, весело рассмеялись. Юная пара завела нежные речи, и так прошло довольно много времени. Осберн держал девушку за руку до тех пор, пока пир не подошёл к концу. Окончание же его было таковым: все встали у самой кромки воды одним длинным рядом, держась за руки. Тостовая чаша пошла по рядам на обоих берегах, и люди выкрикивали друг другу заздравные тосты. Затем хором, громко закричали, на этом-то праздник и окончился, и все разошлись. В этот раз (а уже стало совсем темно, и только огни освещали собрание) девушка первая поцеловала Осберна. И ей для этого совсем не нужно было низко нагибаться, хотя она и считалась высокой девицей, ведь Осберн был довольно крепок и высок для своих лет.

И вот все разошлись по домам. И вскоре зима в Ведермеле окончилась, и больше ничего не происходило, о чём можно было бы рассказать.

Глава VII

О новом знакомом и его даре Осберну

Когда же наступила весна, Осберну вновь пришлось выгонять овец на холмы, хотя он охотнее ходил бы к реке, ибо ничего не желал больше, как пересечь поток и узнать, что там, на другой стороне. Он был ещё ребёнком, и всё же, выпави случай, отправился бы искать ту милую девушку, чью руку держал в своей руке на берегу праздничным рождественским вечером, но нужда заставляла его теперь, когда зазеленела трава, присматривать за овцами.

И вот в один из тех дней, когда март уже готов был уступить место апрелю, Осберн, как обычно, погнал овец к вершине холма. Там он прошёл с ними ещё немного, всё вверх и вверх, дорога была твёрдой и каменистой, но идти это не мешало, трава по дороге, хоть и росла редко, только в неглубоких лощинках или под сенью скал, но была сочной, и овцы проворно щипали её, а юноша всё шёл и шёл за ними, пока они не привели его в маленькую зелёную долину, по которой бежал ручей. Там овцы разбрелись во все стороны и ни в какую не давали себя поймать и связать, а несколько даже перешли через окружавшие долину холмы и не желали возвращаться на зов Осберна. Его собака была ещё молодой и неопытной, а потому не могла помочь своему хозяину. И Осберн уже подумывал, не лучше ли будет ему собрать тех овец, что удастся, отвести их домой, в загон, а потом вернуться и разыскать остальных, может, и с помощью деда. Но собрать он сумел только тех, что убежали недалеко, а уже разгорячился и устал метаться да кричать на овец и собаку. Тогда юноша решил спуститься к ручью, напиться воды и немного отдохнуть, а потом уж продолжить работу. Так он и сделал. Он лёг у воды и отпил уже большой глоток, но тут ему показалось, что он услышал чьи-то шаги: кто-то спускался по зелёному склону.

Правда, юноша всё равно сперва напился и лишь потом, поднявшись на колени, огляделся. И тут же вскочил на ноги, ибо в его сторону ярдов в десяти от ручья шёл рослый мужчина. Осберн не испугался, увидев его, хотя и вздрогнул слегка, ведь это был не его дед, да и, по правде говоря, незнакомец в своём необычном наряде: алой куртке с изящной вышивкой, а поверх – в серой длинной кольчуге из мелких колец*, – не был похож на жителя долины. На левой руке, у самого плеча незнакомца, блестело большое золотое кольцо. На голове его сверкал шлем-бацинет*. Мужчина был подпоясан мечом, в руке нёс лук, а за его спиной висел колчан со стрелами. Наружность его была приятной: светлолицый, сероглазый, с жёлтыми, гладкими, словно шёлк, волосами, свисавшими до плеч, незнакомец, казалось, был очень молод.

Осберн приосанился, чтобы встретить незнакомца достойно, и звонким голосом громко произнёс приветствие: раз, другой. Несколько мгновений они стояли, глядя друг на друга через ручей, затем незнакомец благодушно рассмеялся и спросил:

– Есть ли у тебя какое имя, чтобы мне можно было обратиться к тебе?

– Я Осберн из Ведермеля, – ответил мальчик.

– Ага, – сказал воин, – это ты убил трёх больших серых волков прошлой осенью? Тех самых волков, что за день до того обратили в бегство двух вооружённых мужчин?

Осберн покраснел:

– Ну да, а что с того? Три псины с холмов напали на наших овец, и я постарался помешать им. Тебе какой-то ущерб с этого, господин?

Незнакомец вновь рассмеялся:

– Нет, мой мальчик, я любил их не больше твоего. Это не мои ручные псы. Но что же ты здесь делаешь?

– Ты и сам видишь, – отвечал Осберн, – я пасу овец, но часть из них сбежала от меня, и я никак не могу их собрать. И потому я думаю пойти домой с теми, что остались.

– Что ж, – произнёс мужчина, – это мы быстро исправим. Отдыхай здесь и жди моего возвращения – я уж мигом приведу их к тебе.

– С большой радостью, – согласился Осберн, – буду тебе очень признателен.

Воин, широкими шагами перейдя ручей, направился вверх по склону, а Осберн в немалом изумлении сел на камень, ожидая его возвращения. Незнакомца не было немногим более часа, а затем на самой макушке холмов Осберн увидел овец, спускавшихся в долину, а за ними незнакомца, погонявшего их. Приблизившись к ручью, овцы остановились как вкопанные, словно были привязаны.

Незнакомец прошёл сквозь стадо к Осберну и громко, но дружелюбно спросил:

– Что, ты ещё здесь? Я уж думал, ты побежишь домой.

– Почему я должен был побежать? – отозвался парень.

– Испугавшись меня, – ответил незнакомец.

Осберн сказал:

– Я и вправду немного испугался тебя, когда увидел впервые, на тебе же серая кольчуга* и блестящий шлем. Но заметив, что ты неплохой человек, я больше уже не боялся. Кроме того, я не прочь был вновь на тебя поглядеть, ведь ты красив да пригож, и мне очень уж хочется запомнить тебя.

Воин ответил:

– Точно так говорили и другие прежде тебя.

– Это были женщины? – поинтересовался Осберн.

– Какой ты догадливый и проворный, малыш, – произнёс воин. – Верно, женщины. Но было это уже давно.

– Ты не похож на старого человека, – сказал Осберн. – Я видел стариков, они совсем не такие, как ты.

– Не думай об этом, – ответил человек в шлеме. – Скажи мне лучше, сколько тебе лет?

Осберн ответил:

– Когда в этом году пройдут три апрельских дня, мне исполнится тринадцать лет от роду.

Человек с пустоши сказал:

– Да ты крепко сложен для своих тринадцати лет, мне это по нраву, думаю, мы ещё станем друзьями. Когда же ты вырастешь, я покажусь тебе ничуть не старше, чем сейчас, – мы будем тогда, как братья. Может, наша вторая встреча случится совсем скоро. А пока дам тебе такой совет: попробуй походить по берегу Разлучающего потока, мне кажется, там тебя ждёт твоя судьба. А теперь последнее: я приду сегодня навестить тебя, и в знак этого подарю кое-что. Ты хотя бы немного умеешь стрелять из лука?

Осберн ответил:

– Дома у нас есть один лук, и мой дед натягивает его иногда для меня и учит стрелять по мишеням, так что я немного смыслю в этом.

Тогда воин протянул ему тот лук, что держал в руке, и произнёс:

– С этим луком ты станешь умелым стрелком, ибо тот, кто получил его в дар, каждый раз будет попадать в цель, если, конечно, при этом воспользуется и моими стрелами. Вот, я дарю тебе три стрелы. И если ты сделаешь так, как я скажу, то увидишь, что их не так-то легко потерять, ибо они всегда возвращаются к владельцу. Если ты потеряешь две из них, возьми третью, выйди на ровное, пустое место, только не на луг и не в поле, повернись на северо-восток и выстрели прямо в небо, да при этом произнеси такие стихи:

На север стреляю – стрелу возвращаю.

На юг я стреляю – все три возвращаю.

Я в небо стреляю – к себе призываю.

Все три я пустил, заклинанье готово:

Ключ, и замок, и верное слово.

И тогда ты увидишь, что все три стрелы лежат у твоих ног. Бери же теперь и лук, и стрелы. Отгоним овец на вершину склона, с которого открывается вид на Ведермель.

Тогда Осберн, чувствуя, как его переполняют радость и восторг, взял лук со стрелами, и, шагая рядом с новым другом, направился через пустырь, гоня перед собой овец. По дороге незнакомец многое успел рассказать. Наконец он произнёс:

– Теперь, когда я знаю твоё имя, можно предположить, что тебе хотелось бы узнать и моё, а также, кто я. Правда, своё имя я всё же тебе не открою, ибо в вашем языке нет для него слова, но сейчас и при следующей встрече ты можешь называть меня Железноголовым. Знай также, что когда мы встретимся вновь, я буду одет по-другому. Думаю, ты узнаешь меня в том одеянии, но смотри не выкажи перед другими и знака того, что узнал меня. Что же до лука, то, мне кажется, ты не разболтаешь, от кого получил его. Посмотри, отсюда видно Ведермель. Доброго тебе пути, храбрый юноша, и не забывай моих слов.

На этом незнакомец развернулся и огромными шагами направился обратно, к пустырю. Отроку жаль было расставаться с ним, ибо он решил, что никогда раньше не встречал такого замечательного человека.

Глава VIII

Хозяин нанимает нового работника

Ведермель встретил юношу новостями: дед нанял нового работника, которого тут же представили Осберну. И Осберн дружелюбно поприветствовал его. Это был высокий человек, мягкий на вид и мягкий в речах, светловолосый и голубоглазый. Он казался крепким мужем. Пришёл он в Ведермель тем самым утром. Хозяина не было дома, и мужчина попросил приюта у ведермельских женщин. Его хорошо приняли, усадили за стол. Гость рассказал, что зовут его Стефаном, что родился он вдали от городов, но ещё с юных лет поселился в Истчипинге, торговом городе, куда часто ездили жители округа. Рассказал о том, что вырос там и женился, но когда жена умерла, родив ребёнка, тоже не прожившего долго, он возненавидел это место и вернулся обратно, в долину Разлучающего потока.

И вот, когда хозяин вернулся, Стефан представился ему и сказал, что, по его разумению, сможет работать ничуть не хуже кого-либо другого, да и большой платы не потребует, лишь просит не скупиться на еду, ибо поесть он любит. Хозяину понравился работник, они сразу же договорились, и Стефан сел за второй ужин, и ел за обе щеки. Потому его сразу же прозвали Стефаном Едоком.

Хозяин увидел, что у Осберна появилось новое оружие, и спросил, откуда оно, и мальчик рассказал, что нашёл его далеко отсюда, на пустоши. Дед внимательно посмотрел на внука, но промолчал. На самом-то деле он не сомневался, что лук этот необычный и что внук опять встречался с кем-нибудь из гномьего рода или с какими другими странными существами. Но дед подумал, что Осберну необычайно везёт, а ещё, что теперь придётся добывать еду этому новому работнику-проглоту, и было бы неплохо, если бы внук мог время от времени подстрелить зверя или птицу. По виду дед решил, что лук будет верным оружием. Тут находку взял в руки Стефан, повертел, осмотрел и сказал:

– Это славная вещь, смастерившие её были умелыми оружейниками. Приятно посмотреть! Теперь, когда эта штука будет добывать к вечеру немного дичи, моя утроба не покажется хозяину ненасытной. К слову, хозяин, ты верно решишь, позволив твоему мальцу охотиться для всех нас. С таким луком, как этот, он будет попадать только туда, куда нужно.

Он кивнул и улыбнулся Осберну, и тот решил, что они с новым работником поладят.

Затем принесли ужин, и Стефан Едок расправился с ним так, словно не ел с самого восхода.

На следующий же день, когда Стефан готовился выгнать овец на холмы, он сказал Осберну:

– Пойдём со мной, молодой хозяин, ты покажешь мне путь. И захвати с собой лук и стрелы: посмотрим, сможешь ли ты подстрелить нам что-нибудь вкусненькое. На холмах можно добыть много перьев и меха.

И они пошли на холмы вместе. Временами отвлекаясь от овец, Осберн настрелял целую связку тетеревов и кроншнепов. Каждый раз он попадал в ту птицу, в какую метил, так что ни одна стрела, как и говорил незнакомец, не потерялась, ибо каждый раз оказывалась в подбитой добыче.

Хозяин был доволен, а Стефан облизывался, поглядывая на кладовую. На следующий день мальчик отпустил Стефана на холмы одного, а сам сел на коня и проскакал миль десять вдоль потока, вверх по течению, в сторону гор. Там он одной стрелой подстрелил самца оленя с десятью отростками на рогах. Положив зверя поперёк коня, он привёз его домой, на радость всем домашним. Хозяин теперь и не думал раскаиваться в своей сделке со Стефаном-едоком. Так продолжалось и дальше: каждые два или три дня Осберн выезжал в поле за добычей и

редко когда возвращался с пустыми руками. В те же дни, которые проходили без охоты, Осберн делал, что хотел, и ходил, куда хотел. И он, по совету Железноголового, частенько бродил вдоль Разлучающего потока, но, как и раньше, поднимаясь вверх по течению, а не спускаясь вниз.

Глава IX

Излучина Расколотого холма

Стояла середина апреля. Хозяин снарядился ехать на собрание жителей округа в селение под названием Булмидс, где жившие в долине люди обычно встречались каждую весну, чтобы всем вместе выехать оттуда в город Истчипинг и продать там осенний настриг да прочий товар. Дед отправился без провожатых, рассчитав через одну ночь быть в Булмидсе, через две в Истчипинге, а на следующий после этого день опять в Булмидсе, вернувшись, таким образом, домой на пятые сутки. И когда он покинул дом, Стефан подошёл к Осберну со следующими словами:

– Молодой хозяин, я собираюсь сейчас пойти на холмы пасти овец, тебе же нет надобности сегодня сопровождать меня, да и охотиться не нужно – дома полно мяса. Ты свободен от работы, и, будь я на твоём месте, я бы пошёл из дому прямо к воде и посмотрел бы, не наткнушь ли на что-нибудь красивое или редкое. Но послушай моего совета, если ты встретишь что-нибудь подобное, тебе не нужно рассказывать об этом никому, даже и мне. И ещё было бы неплохо, если бы ты надел свой алый плащ.

Осберн поблагодарил его и, взяв свои лук со стрелами, вышел из дому. Дойдя до реки, он повернул на юг и медленно направился вдоль самой воды, приковывавшей взгляд. Юноша смотрел вниз, на тёмно-зелёные глубины и вытянутые вдоль течения бешеные водовороты*, чьи очертания были столь отчётливы, что казалось, будто они сделаны из стали. Вода бурлила и вздымалась, журчащие вихри внезапно меняли своё направление, и Осберн с трудом различал знакомый ему луг на противоположном берегу.

Наконец, когда он проделал так более двух миль от того места, где подошёл к воде, его глазам предстал длинный прямой плёс*. Осберн взглянул вниз по течению, и ему показалось, что река закончилась, на самом же деле в этом месте она, делая резкий поворот на восток, сужалась из-за выступающего на западном берегу острого мыса. Оттуда, где теперь стоял Осберн, был виден его длинный бок, перекрывавший, как казалось, во всю ширину быстрое течение Разлучающего потока. Но течение поворачивало прежде, чем его волны разбивались о скалы, и протискивалось через узкий проход. Там оно образовывало небывалых размеров суводь, или водоворот, пытаясь освободиться от хватки подводного подножия мыса, чтобы направиться на восток, где река стремительно и неизменно несла свои воды к морю. На торце же скалы мыса, над самой излучиной, в том месте, где вода поворачивала, находилась пещера в рост высокого человека и в четыре фута шириной. Под входом в неё, на отвесной скале, над ужасными водными вихрями нависал уступ. Шириной этот уступ был лишь с ярд или около того. Вода плескалась в десяти футах под ним, а до травы, покрывавшей вершину мыса, было футов сорок. Мыс этот становился тем выше, чем дальше он выдвигался в реку, а в наивысшей своей точке футов на двадцать поднимался над основанием, переходящим в зелёный луг. Между берегами, в самом узком и прямом месте реки, было около тридцати футов, зато восточный берег, не выступающий так сильно, как западный, а, скорее, наоборот, отходящий в сторону, поднимался отвесно над водой, хотя и не так высоко, как мыс. Казалось, будто кто-то насыпал холм поперёк Разлучающего потока, но река размывала его восточный склон, так как почва там была мягче. Так, по крайней мере, думали жители долины, ибо на обоих берегах место это прозвали Излучиной Расколотого холма.

Осберн, изумлённый, стоял напротив пещеры в скале и неотрывно смотрел на бурлящие под ним воды. Течение казалось достаточно сильным, чтобы пробить борт любого судна в мире и пустить его ко дну. Юноша гадал, случайно ли возникла здесь пещера, или же она вырыта кем-то для жилья.

И в это время из неё вдруг вышел кто-то, по очертаниям похожий на человека, и остановился на уступе над водой. Юноша тотчас сообразил, что это девочка, примерно его возраста, со струщимися по плечам рыже-золотистыми волосами, одетая в короткий плащ из тёмно-синей ткани. И больше, насколько Осберн мог разглядеть, на ней ничего не было. Как уже говорилось, он, по просьбе Стефана, пришёл к берегу в своих ярко-алых праздничных одеждах. Девушка подняла взгляд и, увидев, что на восточном берегу стоит юноша, в удивлении отшатнулась, а затем вновь подалась вперёд и всмотрелась в него, прикрыв рукой глаза: с юга, играя на воде множеством ярких бликов, светило солнце. Между детьми было всего лишь тридцать футов воды, но из-за её бурления, клокотания и стремительного течения они с трудом могли слышать друг друга. Поэтому девочка, хлопнув в ладоши, закричала звонким чистым голосом:

– О, прекрасное создание, кто ты?

Осберн засмеялся и так же громко ответил:

– Я муж, но ещё мал годами, а потому меня называют мальчиком, парнем или отроком.

А кто же ты?

– Нет-нет, подожди, – отвечала она. – Мне следует сперва подойти поближе. Здесь слишком широко, чтобы пытаться перекричать волны. Поднимись к вершине берега со своей стороны, а я тем временем сделаю то же самое со своей.

С этими словами она развернулась и начала карабкаться на вершину утёса, цепляясь за сломанные чёрные стволы и сланцевые выступы. Хотя Осберн и был мальчишкой, и притом не из трусливых, он задрожал, и сердце его забилось сильнее, когда он увидел, как это маленькое создание пустилось в свой гибельный путь вверх. Юноша не мог оторвать от девочки глаз, пока она, наконец, не оказалась в безопасности на полянке. Тогда он повернулся и быстро взбежал на восточный холм, достигнув его вершины как раз в тот самый момент, когда его новая знакомая забежала на мыс со своей стороны.

Юноша молчал, пристально рассматривая её, она же, запыхавшись, тоже не могла вымолвить ни слова. Наконец, она произнесла:

– Теперь мы настолько близко друг к другу, насколько это возможно сегодня, да и на много дней вперёд или даже на всю нашу жизнь. В общем, давай поговорим.

Она поставила ноги вместе, протянула вперёд руки, да так и застыла, словно ожидая, что юноша начнёт говорить. Но он долго не находил слов, и, наконец, она сказала:

– Удивительно, почему ты не заговоришь вновь. Твой смех подобен песне милой птицы, а твой громкий, невинный голос прекрасен.

Юноша засмеялся:

– Что ж, тогда я буду говорить. Расскажи мне, кто ты. Ты из рода фей? Для гномов ты слишком мила.

Девочка хлопнула в ладоши и засмеялась:

– Я смеюсь не над твоим вопросом, просто я рада вновь слышать твой голос. Нет, нет, я не из фей, а из детей человеческих. А ты, ты не из сынов ли духов земных?

– Не более, чем ты, – ответил Осберн. – Я тоже сын поселанина, но отец мой умер, как и моя мать, поэтому я живу в Ведермеле, вверх по течению, с моими дедом и бабкой.

Она спросила:

– Они добры к тебе?

Юноша вытянулся:

– Я добр к ним.

– Какой же ты хорошенький! – воскликнула девочка. – Вот почему я и подумала, что ты из числа земных духов, я видела уже разных мужей: старых и молодых, как ты, но никто из них не был таким пригожим.

Он улыбнулся:

– Ну, я подумал, что ты из рода фей, потому что ты милая и маленькая. Не так давно я видел одну милую девушку, правда, кажется, она была старше тебя и намного выше. Но скажи мне, сколько тебе лет?

Она ответила:

– Когда пройдет половина мая, мне будет тринадцать.

– Послушай, – сказал он, – мы почти одного возраста. Мне исполнилось тринадцать в раннем апреле. Но ты не рассказала мне, где ты живёшь и как.

Она ответила:

– Я живу на Холмах Хартшоу, здесь недалеко. Я дочь поселанина, как и ты, но мои отец и мать мертвы, и отца я даже никогда и не видела, теперь же я живу с двумя своими тётушками, и обе они старше, чем моя покойная мать.

– А они добры к тебе? – спросил юноша, улыбаясь оттого, что задавал девочке её же вопрос.

– Иногда, – ответила она, тоже с улыбкой. – А иногда и нет. Может, это потому, что и я не всегда добра к ним, не то что ты к своим домочадцам.

Осберн ничего не ответил, и девочка тоже на какое-то время замолчала. Затем он спросил:

– О чём ты думаешь?

– Вот о чём, – сказала она, – как же мне повезло увидеть тебя, ведь это такое счастье.

Он ответил:

– Мы, наверное, сможем и вновь увидеться, и уже не благодаря везению.

– О да, – согласилась она и ненадолго замолчала. Он сказал:

– Я не знаю, почему ты была в пещере. И ещё ответь, разве не опасно так лазить вверх и вниз? Почему ты так делаешь? И, я должен признаться тебе, была ещё одна причина, по которой я подумал, что ты фея, – ты вышла из пещеры.

Она ответила:

– Я расскажу тебе о пещере всё, что знаю, но сперва о том, насколько опасно спускаться к ней и подниматься сюда. Ты бы сильно расстроился, если бы я погибла на полпути?

– Конечно, – сказал юноша. – Я бы сильно расстроился.

– Ну, – произнесла девочка, – тогда не бойся, ибо такие подъёмы и спуски стали настолько привычными для меня, что уже совсем не опасны. И всё же я рада, что ты боишься за мою жизнь.

– Я очень испугался, – кивнул Осберн.

– Теперь о пещере, – продолжила девочка. – Я отыскала её два года назад, когда была совсем ещё маленькой, а эти женщины, мои тётушки, обращались со мной плохо. Я пряталась в ней каждый раз, когда не хотела, чтобы меня нашли, ведь в народе говорили, что там обитают гномы, и тётушки боялись заходить внутрь. Кроме того, каждый раз, когда я представляю, как мои родственницы спускаются по скале, чтобы найти меня там (а они высокие, и одна очень сухая, словно вырезана из дерева, а другая непомерно толстая), то меня разбирает смех!

Сказав так, она села на самый край утёса, болтая своими ножками над водой, и засмеялась, раскачиваясь взад и вперёд. Осберн тоже засмеялся. Он спросил:

– А ты не боишься гномов?

Девочка ответила:

– Милый отрок, милый мальчик, я бывала здесь уже много раз, прежде чем услышала о гномах, и никто не причинил мне ни капли вреда. После того, как я о них узнала, я всё равно продолжала ходить сюда и осталась целой и невредимой. Но подожди, послушай ещё кое-что: я получала дары, во всяком случае, я так думаю. Я должна была пасти овец, да там, где трава посочнее. Иногда они разбредались, и мне тяжело было собрать их вместе, и тогда я приходила домой, недосчитавшись некоторых из них, и меня ругали, а иногда даже пороли, хотя в том

не было моей вины. И однажды после такого наказания я забралась в пещеру, и села там, и плакала, жалуясь самой себе на зло, причинённое мне, а выйдя наружу, увидела на уступе, близ моих ног, одну вещицу. Я взяла её и поняла, что это дудочка о семи дырочках, и когда я подула в неё, раздалась нежная весёлая музыка, и я решила, что это хорошая награда, и пошла домой, взяв дудочку с собой, печали же мои развеялись. На следующий день я пасла овец (это было моим обычным делом), и они, как всегда, разбрелись, а я попыталась их собрать, но у меня ничего не вышло, и я только устала, а ещё испугалась того, что со мной сделают дома. Тогда я села на камень и, немного поплавав, решила утешиться музыкой дудочки, но – о чудо! – не успела я сыграть одну-две ноты, как все овцы сбежались ко мне, блея и ласкаясь о мои бока, и домой мы, веселясь, пришли вместе, и ни одна овца не потерялась. С тех пор так случалось со мной каждый раз, а было это почти год тому назад. Милый мальчик, как ты думаешь, чем я сейчас занята?

Осберн засмеялся:

– Развлекаешься беседой с другом, – сказал он.

– Нет, – возразила она, – я пасу овец.

И она, вытащив из-за пазухи дудочку, заиграла, и полилась очаровательная нежная мелодия, и так весело стало Осберну, что он начал приплясывать в такт и тут же услышал блеянье: со всех сторон к девушке бежали овцы. Она, вскочив, кинулась им навстречу, чтобы они не спихнули друг друга в воду, и плясала перед ними. Полы её синей одежды, единственной, что была на ней, вздымались, и мелькали нагие ступни и щиколотки, волосы развевались, да и сами овцы скакали и танцевали, словно по её просьбе. Мальчик же смотрел на них, залиvisto смеясь, и думал о том, что это лучшее развлечение, какое ему только доводилось видеть. Утомившись, девушка вернулась на вершину мыса и села там, как прежде, отпустив овец бродить, где им вздумается.

Глава X

Осберн и Эльфхильд беседуют

И вот, усевшись, девочка вновь обратилась к нему:

– Милый юноша, это был первый дар, и разве не должна была я решить, что кто-то невидимый, услышав мои причитания, оставил для меня эту прекрасную вещицу, и что мне ещё было делать, как не попытать счастья вновь. И вот я во второй раз спустилась в пещеру и начала жаловаться, что мне нечем прикрыть себя и ни золота у меня нет, ни серебра, как у других дев, а я ведь и вправду видела на них золотые и серебряные украшения. На этот раз, закончив причитания и выйдя на уступ, я ступала осторожно, чтобы не спихнуть в воду какую-нибудь изящную вещь. И верно – там лежала вот эта милая вещица.

Договаривая, девочка достала из-за пазухи ожерелье из золота и драгоценных камней: в нём чередовались золото и изумруды, золото и сапфиры, золото и рубины. Сверкающее на солнце, ожерелье и впрямь показалось Осберну прекрасной вещицей. Впрочем, он не знал, что далеко не у всякой королевы найдётся подобное сокровище.

– Я не решилась показать ни его, ни дудочку своим тётушкам, да это и понятно, ведь они наверняка забрали бы их у меня и сильно отругали, ибо они часто недобрым словом поминали тех существ, что обитают на мысу, и то зло, что они приносят человеческому роду. Поэтому я играла на дудочке, когда никого не было рядом, и надевала прекрасное ожерелье не под крышей дома, а под открытым небом. Посмотри, юноша, ведь как это весело показаться тебе в таком украшении.

Она отогнула воротник на своей шее, белой, как снег под коровяком*, и надела ожерелье. Осберн подумал, что оно и в самом деле ей шло: девушка стала величественней и нарядней.

Затем она продолжила:

– Ещё один дар получила я от этого пещерного народа, если таковой, конечно, обитает в пещере. Как-то раз я заболела и едва могла держать голову от слабости и усталости, тогда я украдкой пробралась сюда и, забравшись внутрь, несмотря на все трудности и опасности, начала жаловаться на свою болезнь. Только я прекратила причитать, как поняла, что меня сильно клонит в сон. Я легла на пол пещеры и заснула, уже не чувствуя себя больной. Когда же я проснулась, как мне показалось, спустя три часа, со мной всё было в порядке, и я вновь забралась на вершину мыса, сильной и весёлой, совсем не устав от подъёма. С тех пор я поступала так каждый раз, когда чувствовала себя больной, и ни разу добрый народ не оставлял меня без помощи. А тебе случалось встречать подобных существ?

Осберн рассказал о своей давней встрече с гномом и высоко поднял полученный от него кинжал, лезвие которого теперь ярко сверкало на солнце. Он уже хотел было поведать девочке и о Железноголовом, но вспомнил, что вряд ли может считать себя вправе рассказывать о нём кому бы то ни было, а потому промолчал об этом, но сказал следующее:

– Мне кажется, милая дева, ты не так уж слаба и незащитна, раз у тебя есть такие друзья. Но скажи мне, что ты делаешь, когда не пасёшь овец?

Она ответила:

– Я умею прясть и ткать, печь хлеб и взбивать масло, да ещё молоть муку на ручной мельнице, но это тяжёлая работа, и если бы меня не заставляли, я бы не стала ею заниматься. Да и вообще никакую работу по дому я бы не выполняла, а только пасла бы овец. Но скажи мне, что умеешь ты?

Он ответил:

– Думаю, так славно сгонять овец вместе, как это получается у тебя, я не умею, но прошлой осенью я научился убивать волков, которые хотели проредить моё стадо.

Девочка встала, словно пытаясь разглядеть своего нового знакомого получше, да так и смотрела на него, крепко обхватив себя руками, а он, сообразив, что она дивится его поступку, считает его геройским, весело произнёс:

– Не такое уж это и великое дело, как думают некоторые. Всё, что нужно, по большей части, – это твёрдое сердце да верный глаз. Так я и убил трёх волков.

– О! – воскликнула она. – Теперь я знаю, что ты и есть то прекрасное дитя, тот крепкий воин, о чудесных деяниях которого я уже слышала. А теперь ты так добр, что желаешь провести день, разговаривая с бедной слабой девочкой.

Он сказал:

– Я поступаю так по своему желанию, мне нравится глядеть на тебя и говорить с тобой, ибо на тебя и вправду приятно посмотреть, ты любя мне.

Тогда она спросила:

– А что ещё ты умеешь, победитель?

Он ответил:

– Недавно все решили, что я ловок в обращении с луком, ибо во что я мечу, туда и попадаю. А потому вряд ли когда останусь без обеда.

– Да, – сказала она, – это удивительно. Теперь, если ты встретишь волка, то застрелишь его издали, чтобы он не смог приблизиться к тебе и укусить. Впрочем, ты сейчас неохотно рассказываешь о том, что умеешь, и мне приходится спрашивать тебя о каждой подробности. Расскажи мне ещё что-нибудь.

Он ответил:

– Дома считают, что я владею искусством скальда*, ведь я умею слагать стихи.

Девочка хлопнула в ладоши, воскликнув:

– Вот это и в самом деле замечательно, раз уж ты, кроме того, умеешь убивать волков. Но как приятно было бы мне, если бы ты сочинил стихи прямо сейчас. Ты можешь так?

– Я не знаю, могу ли, – со смехом ответил Осберн. – Но давай попробую.

И вот он сел и мысленно начал сочинять стихи, а девочка стояла, глядя на него через воду. Наконец, юноша встал и запел:

Трава в ложине зеленеет,
И на пригорках тает снег,
Дни стали ярче и теплее,
И радуется человек.
Зима слепая, снег и бури
Теперь лишь тени на лазури.
Обвитая лозою липа
Искрится золотистым светом,
И обещают эти блики
Сменить весну богатым летом.
И воин мир благословляет,
Он в нём любовь и радость чаёт.
Могу забыть траву весною,
Забыть ручей, в лесу журчащий,
Иль пруд с прозрачною водою,
Иль дуб, листьями шелестящий.
Но не забуду твои речи
И наши ласковые встречи.
С тобой зимою солнце греет,
А без тебя и летом дождь.

И вмиг становится светлее*,
Как только в бражный зал войдёшь.
Позволь ввести тебя в свой дом,
Чтоб лето поселилось в нём.

Здесь его песня прервалась, и наступило молчание. Они смотрели друг на друга через поток, и по щекам маленькой девочки текли слёзы. Она заговорила первой:

– Это самая красивая песня, и я вижу, что ты сочинил её, сидя здесь, а значит, вся она о тебе и обо мне, да о том, как ты любишь меня, а я тебя. Я знаю, однажды ты будешь великим и могучим мужем. И вот, что мне кажется странным в этой песне, почти глупым: ты говоришь так, будто я уже взрослая женщина, а ты взрослый муж, тогда как оба мы лишь дети. И послушай, ведь нас разлучает этот могучий поток, а он будет течь вечно.

Некоторое время юноша не отвечал ей, но, наконец, произнёс:

– Я ничего не могу поделать с этим. Слова сами сорвались с моих уст, и мне кажется, если бы я утаил их, было бы хуже. Смотри, как бы вскоре я не совершил чего-то такого, чего дети обычно не совершают.

– Похоже, это правда, – ответила девочка. – И всё же пройдёт ещё много времени, прежде чем нас назовут мужчиной и женщиной. Но теперь, милый мальчик, я должна вернуться домой, иначе не избежать мне расспросов.

– Конечно, – сказал Осберн, – но всё же я хотел бы подарить тебе что-нибудь, если бы мог, но не знаю, что, разве лишь этот кинжал, выкованный гномами.

Она засмеялась:

– Это дар для мужчины, но не для меня. Оставь его себе, милый и добрый мальчик. Ведь и я была бы рада дать тебе что-нибудь в подарок. Но что? Разве вот эту дудочку? Но, боюсь, я не перекину её через воду. Я могла бы бросить тебе своё золотое ожерелье с камнями, но как бы Разлучающий поток не поглотил его. Что же мне делать?

– Ничего не надо, милая девушка, – ответил юноша. – Я совсем не хочу брать дудочку, которая отводит от тебя окрики и побои. Что же до твоего ожерелья, то это женское украшение, так же, как кинжал – мужское. Держи его у себя, пока не станешь знатной дамой.

– Что ж, – вздохнула она. – Тогда позволь мне уйти. Кажется, я не смогу сдвинуться с места, пока ты не отпустишь меня.

– Хорошо, – согласился он, – только сперва скажи, когда мне вновь прийти сюда, чтобы увидеться с тобой, а тебе со мной? Может быть, завтра?

– О нет, – ответила девочка. – Так не пойдёт, иначе они заметят, что я хожу сюда слишком часто. Для начала мы переждём три дня, а в другой раз и того больше.

Осберн сказал:

– О встрече в другой раз мы подумаем после, я же приду сюда через три дня. А теперь отпущу тебя, да и сам пойду домой. Если бы не Разлучающий поток, я бы с радостью поцеловал тебя.

– Как это мило, – проговорила девушка. – Прощай, и не забудь меня за три дня, раз уж ты спел мне сегодня такую песню.

– Я не забуду тебя так скоро, – пообещал он. – Прощай!

Девочка развернулась и с дудочкой в руке побежала с мыса вниз, и вскоре Осберн услышал нежную мелодию, блеяние овец и топот копыт: овцы последовали за хозяйкой. Эти звуки стояли у него в ушах ещё долго, пока он шёл своей дорогой к дому. День удался. Осберн решил, что понял слова Железноголового. Думал он и о Стефане Едоке, и о той особой дружбе, не такой, как с остальными домашними, что связывала их. В Ведермель он возвратился в хорошем настроении.

Глава XI

Осберн кидает дар через поток

И вот спустя три дня юноша вновь направился к Излучине Расколотого холма. Когда он переступал через порог, Стефан кивнул ему, дружелюбно улыбаясь. В этот раз Осберн опять надел свою ярко-алую накидку. В руке он держал лук, но кроме трёх стрел, что дал ему человек с холмов, он взял ещё две из колчана своего деда. Кроме того, он уже время от времени думал, чем бы таким обрадовать девушку, и теперь в суме у него лежала прелестная золотая вещица, подаренная ему ещё в раннем детстве матерью. Юноша решил, что это хороший гостинец, и он сможет переправить его на другой берег Разлучающего потока.

Когда вдали показался мыс, Осберн, взглянув на его вершину, разглядел там маленькую фигурку: девушка уже пришла на место встречи и сейчас ожидала его, а потому он изо всех сил поспешил на возвышенность на своём берегу и, взобравшись туда, сразу же поприветствовал свою подругу, на что и она ответила нежным приветствием. Приглядевшись, он увидел, что она немного принарядилась к встрече: на её маленькой плоской детской груди сверкал и светился гномий дар, ожерелье, а ещё она сплела венки из весенних цветов и один возложила на голову, а другой обвила вокруг бёдер. Несколько минут она стояла на утёсе молча, и Осберну показалось, что она ждёт похвалы своему новому наряду, поэтому он произнёс:

– Ты ещё прекраснее, чем в тот раз, когда я впервые увидел тебя. В твоих краях готовятся к празднику?

– Нет, – ответила она. – Я принарядилась, потому что ждала тебя сегодня, тогда как в тот раз мы встретились неожиданно. Но скажи, какие великие деяния ты свершил на сей раз?

Осберн рассмеялся:

– Нет-нет, позволь мне для этого стать хотя бы на несколько дней старше. Впрочем, кое-какая весть для тебя найдётся: этим утром я принёс тебе гостинец, думаю, мне удастся переметнуть его через поток. Я подарю его тебе, только пообещай, что никогда с ним не расстанешься.

– От всего сердца обещаю тебе это, – кивнула она. – Но скажи мне, что это за вещица? Покажи мне её.

Осберн вынул гостинец и, держа его между указательным и большим пальцами, произнёс:

– Это золотая монетка, очень красивая, думаю, её сделали в какой-нибудь далёкой стране. Когда я был ещё очень маленьким, мне дала её мама, и, помню, она просила не расставаться с её подарком, разве только отдать тому, кому я желаю всяческой удачи, ибо эта удача и перейдёт с монеткой. И вот ты, такая красивая и милая, ты единственный мой друг из моих ровесников, и потому я желаю тебе столько удачи, сколько только может быть. А вот как я перебросю её тебе: заверну в тряпочку, привяжу к наконечнику этой стрелы (мне не жаль её) и пущу через реку.

С этими словами он опустил на колени и начал заворачивать амулет в тряпицу.

Девочке очень хотелось получить такой подарок, сердце её затрепетало от радости. И всё же она сказала:

– О, как ты добр, но, думаю, тебе не стоит отдавать мне дар своей матери. А кроме того, почему ты должен расставаться со своей удачей? Вдруг судьба не уготовила мне быть столь удачливой, как тебе, и может ведь так статься, что ты, передав мне свою удачу, сделаешь себя менее удачливым, но не добавишь её мне, если рок мой несчастлив.

Теперь, хотя юноша уже решился перекинуть золотую монетку чудной девочке, всё же слова её показались ему мудрыми, и он спросил:

– Что же нам делать?

Она ответила:

– Подожди немного, я подумаю.

И они оба ненадолго замолчали, пока девочка не подняла взгляд и не спросила:

– Эта вещица круглая?

– Да, – ответил юноша.

– Что на ней изображено? – вновь спросила она.

Осберн ответил:

– На одной из сторон два воина, а на другой Святой Крест и какие-то буквы.

Девочка вновь немного подумала и спросила:

– А она сильно испортится, если разломить её на две половины – чтобы было по одному воину и половине креста?

Он ответил:

– Это зависит от того, кому эти половинки достанутся.

Девочка сказала:

– Что же ещё нам остаётся делать, если я вижу, что ты хочешь, чтобы я разделила с тобой твой дар, а с ним, возможно, и твою удачу, кроме как разломить монету на две половины? Одна останется тебе, а вторую тыпустишь мне через поток.

Ещё во время её слов юноша вскочил и затанцевал. Он воскликнул:

– О, да ты мудра! Теперь я вижу, что именно этого и хотела от меня моя мать – разделить золото и удачу.

Сказав так, он достал монетку из тряпицы, вытащил свой кинжал, нашёл большой камень и, положив на лезвие золотую вещицу, ударил по ней – достаточно ловко, ведь он был неплохой для своих лет кузнец. Затем он встал и сказал:

– Вот, сделано! Ни один из воинов не повреждён, так как между ними было пустое место. Теперь дело за стрелой и луком!

Девушка нетерпеливо смотрела на него, сдвинув брови: Осберн взял стрелу и приставил её к тетиве.

Затем он сказал:

– Будь осторожна и стой смирно, и тогда половинка будет твоей. Смотри, я пушу стрелу так, что она попадёт в заросший травой утёс между двумя большими камнями, сзади, по правую руку от тебя.

С этими словами он поднял лук и увидел, как девочка подобрала свои юбки, словно чтобы они не помешали полёту стрелы. Он отпустил тетиву, но девочка всё ещё стояла, не шевелясь, и тогда Осберн, засмеявшись, сказал:

– Теперь, дева, иди и найди стрелу и золото.

Она, повернувшись, побежала к утёсу, взяла стрелу и дрожащими пальцами сняла тряпицу. Достав золото, она закричала:

– О, прекрасный воин! Таким и ты будешь изображён на монетке, милое дитя.

Затем она вновь подошла к обрыву и произнесла:

– Вот что странно: ни в прошлую нашу встречу, ни теперь мы не назвали своих имён. И сейчас я хочу сказать тебе, что имя моё Эльфхильд с Холмов Хартшоу. А как твоё имя?

– Эльфхильд, дитя, – ответил он, – моё имя Осберн, сын Вульфгрима, и я из Ведермея, как уже говорил тебе. Но не думаю, будто это так уж и странно, что мы до сих пор не назвали друг друга, и, надеюсь, теперь, когда мы открыли наши имена, к нам не пристанет несчастье, ибо мне кажется, что имена дают, когда вокруг много людей, чтобы отличать их друг от друга. Что же до нас с тобой, то нас ведь только двое, поэтому достаточно мне называть тебя Девой, а тебе меня Юношей. Хотя мне и любо произносить твоё имя, Эльфхильд.

– А я желаю называть тебя Осберном, – отозвалась девочка. – Кроме того, если когда-нибудь нам с тобой придётся покинуть эти края, то, возможно, мы встретимся среди людей с множеством имён, и так быстрее узнаем друг друга. – Но, о! – неожиданно пылко воскликнула

она, – ты не понимаешь, какой замечательный дар ты мне сделал! Ведь если мы сохраним половинки этой монеты навсегда, то благодаря им сможем узнать друг друга, если встретимся во внешнем мире, и лица наши уже изменятся.

Осберн сказал:

– Не думаю, что моё лицо сильно изменится, по крайней мере, до старости. Впрочем, и в старости это вряд ли произойдёт.

Девочка весело рассмеялась:

– О, мальчик Осберн, когда ты станешь мужем, и притом великим, и тебя, возможно, будут называть графом Осберном Вульфгримссоном, почему бы не измениться твоему лицу? У тебя будет борода, свирепый взгляд и уста, привыкшие выкрикивать боевые кличи. Моё лицо тоже вполне может измениться, клянусь всеми святыми. Посмотри на меня: сейчас я похожа на рыжую ворону, костлява, и ноги как веретёна, а ведь я могу вырасти в прекрасную женщину, и тогда ты и в самом деле захочешь увидеть меня. Мне почему-то кажется, что тебя будут любить женщины, и ты сам будешь любить их даже чересчур пылко.

– Со своей стороны, – сказал Осберн, – я думаю, что мне придётся часто убивать: и волков, и других злых существ, стоять перед королями и принимать от них дары, так что времени на то, чтобы любить женщин, останется немного – но тебя, Эльфхильд, я буду любить всегда.

Он покраснел, как краснеют юноши, а не дети.

Эльфхильд же сказала:

– Ты так добр ко мне, и я тоже буду любить тебя всегда. Но ответь мне, Осберн, что мне сделать, чтобы развлечь тебя?

Он ответил:

– Вновь позови к себе своей нежной дудочкой овец, это довольно забавно.

Она весело кивнула головкой, достала дудочку и заиграла, и овцы собрались к ней, толкаясь, как и прежде, и она танцевала и играла довольно долго, а Осберн хлопал в ладоши, смеялся и подзадоривал её, радуясь этому танцу. Поистине, большим удовольствием было смотреть на её чудесные движения.

Наконец, устав, она бросилась на траву на самом краю утёса и сказала, что больше не может танцевать. Осберн сердечно поблагодарил её.

Отдышавшись, она спросила, чем ещё могла бы его порадовать. Он же попросил рассказать, как она жила с теми двумя женщинами, её тётушками, и какими были её ежедневные дела. Тогда она села, как в прошлый раз, болтая ногами над страшным потоком, и начала рассказывать нежным голосом о своих радостях, о своей работе и о своих бедах. Некоторые из этих рассказов были довольно печальными, ибо две её родственницы (а они оказались совсем не старыми – старшей из них исполнилось лишь тридцать лет) обращались с девочкой очень грубо, совершенно не заботясь о ней, о чём речь пойдёт позже.

Спустя некоторое время девочка прервала рассказ о себе:

– Но, Осберн, милый, хотя ты и так добр, что желаешь слушать мои сказки, я не буду их тебе рассказывать. У меня есть истории получше: о паладинах, дамах, замках, драконах и прочем подобном, о чём я когда-то слышала. Некоторые из них мне рассказали мои родственницы, другие – путники, что заходили в наш дом отведать краюхи хлеба, ведь дом наш беден, да ещё, лучшие из этих историй, поведала мне одна старуха, живущая в лачуге неподалёку от нас. Она любит меня и научила меня многому. Я расскажу тебе об этом, если ты хочешь.

– Конечно, хочу, – отозвался юноша. – И ты получишь от меня благодарность. Я хочу подарить тебе ещё что-нибудь.

Девочка ответила:

– Если ты снова и снова будешь повторять те стихи, что сочинил в нашу первую встречу, пока я не запомню их, это будет достойной наградой за мои истории. И если хочешь, можешь сочинить ещё стихов.

– Тогда по рукам, – заключил юноша, – а теперь за работу.

И вот девочка приступила к истории о феях, а когда закончила, Осберн попросил рассказать ему ещё одну. Вторая история была длинной, и когда она завершилась, закончился и день, так что Эльфхильд уже нужно было уходить, прежде чем начало смеркаться. Тогда дети договорились о том, когда встретятся в следующий раз, и Осберну любой день, кроме завтрашнего, казался слишком далёким. Но Эльфхильд сказала, что это небезопасно, ведь тогда её родственницы начнут расспрашивать, где она бывает. И встреча вновь была назначена через три дня, да и то, если бы Эльфхильд не согласилась рискнуть ради очередной истории, она бы назначила её через неделю. И вот дети, довольные, отправились по домам.

Глава XII

О госте по имени Странник

С тех пор всё повторялось. Время от времени мальчик с девочкой встречались, стоя каждый на своём берегу, только Осберн не всегда наряжался празднично: он чаще надевал домо-тканину*. Зато на день рождения Эльфхильд выбрал самую лучшую свою одежду. Больше не происходило ничего, о чём стоило бы поведать. Иногда кто-нибудь из детей болел, иногда бывало, что родственники Эльфхильд не выпускали девочку из дома, и тогда дети не встречались, но никогда этого не было по их собственной воле. Тот, кто приходил на заветное место и видел, что второго не было, сильно горевал, и особенно горевал Осберн, его детское сердце разрывалось от печали, смешанной с гневом. В такое время Разлучающий поток казался ему кольцами обвившей его и старающейся задушить змеи, и тогда он возвращался домой в полном отчаянии.

Так прошли весна, лето и ранняя осень. В Ведермеле всё протекало гладко, его хозяин был вполне доволен своим новым работником, который если и ел за двоих, то работал за троих. Осберн тоже сильно привязался к Стефану, а Стефан, со своей стороны, всегда что-нибудь придумывал на радость мальчику. Особенно хороши были две его выдумки. Во-первых, он, как и Эльфхильд, знал всякого рода сказания и истории, и часто, когда они с Осберном оба пасли овец, Стефан рассказывал их мальчику день напролёт. Нередко Осберн восклицал: «Прекрасная сказка, но я уже слышал её раньше, только сказывали её по-другому: вот так и так». И вправду, он многое уже слышал от Эльфхильд. Во-вторых, Стефан был чрезвычайно искусным кузнецом и учил этому искусству Осберна, так что к окончанию года тот уже и сам обещал овладеть ремеслом кузнеца в совершенстве. Более того, иногда Стефан брал кусок железа и совсем немного серебра, например, флорин (серебряную монетку) из своих запасов и делал из них брошку или цепочку, или кольцо, которое носят на руке, да так затейливо и изящно, что приятно было посмотреть! И все эти вещицы Стефан с радушной улыбкой отдавал Осберну, а Осберн брал их, ликуя в душе, ведь теперь у него появлялся ещё один подарок для Эльфхильд, и каждый из этих подарков он переправлял через реку при следующей же встрече. Но иногда, когда сердце мальчика переполнялось благодарностью, он говорил кузнецу: «Ты даёшь мне так много и так добр ко мне, не знаю, смогу ли когда-нибудь отплатить тебе за это». Но Стефан обычно отвечал ему: «Не бойся, хозяин, придёт время, когда ты сможешь сделать столько, что расплатишься сразу за всё».

Однажды, в начале октября произошла следующая история. Сильный юго-западный ветер, ревавший весь день, всё крепчал, и когда в доме зажгли свечи, он превратился в шторм. И дул с такой силой, что казалось, будто он сейчас приподнимет крышу дома. И тут во входную дверь постучали, Стефан подошёл к ней, отворил и вернулся с человеком, промокшим до нитки и сильно потрёпанным ветром. Человек этот был высок, желтоволос, красив и прекрасно сложен, но большую часть лица его скрывала неухоженная борода, и ноги его не знали башмаков. И всё же с первого взгляда было понятно, что это человек храбрый, и держался он независимо и свободно, хотя одежда его была бедна. Под мышкой он нёс что-то длинное, завернутое в ткань, обвязанную бечевой и в нескольких местах запечатанную жёлтым воском.

Когда гость вошёл, хозяин вскочил, словно собираясь выставить его вон. Он даже пробормотал: «Наш дом не убежище для бродяг», правда взглянув при этом на Осберна, ибо тот вырос очень своевольным, и ничего в доме не делалось без него, а тот сразу поднялся и, подойдя к пришлецу, пригласил его войти, ведь за окнами бушевала непогода. Затем он взял его за руку, подвёл к очагу и обратился к бабушке с такими словами:

– Хозяюшка, наш гость пришёл с ненастью, и прежде, чем он сядет с нами за стол, хорошо бы тебе отвести его во внутреннюю комнату, омыть ему ноги да найти сухую одежду.

Хозяйка, радушно взглянув на гостя, попросила его следовать за ней. Он пошёл, но ещё прежде, чем гость развернулся спиной к хозяевам, Осберн, посмотрев на него, поймал его ответный взгляд, и отныне никакие лохмотья не могли разуверить его в том, что это был его друг Железноголовый. Вскоре гость вернулся в зал, одетый и обутый пристойно, настолько, насколько смогли его одеть наспех, и Осберн проводил его к своему собственному месту за столом и сам подал ему чашу. Стефан тоже старательно прислуживал незнакомцу, и тот мог бы подумать, что попал в гостеприимный дом, если бы только временами дед не кидал на него слегка недружелюбные взгляды, но он совсем не противился тому, что делали его домашние, и этих взглядов можно было и не замечать.

Когда же гость сел, он взял свой длинный свёрток и, отдав его Осберну, произнёс:

– Ты так добр к бродяге, что я осмелюсь просить тебя ещё об одной милости: позаботься об этом свёртке, пусть никто другой не прикасается к нему, и верни мне его завтра утром перед моим уходом.

Осберн согласился на это, взял свёрток и положил его под изголовье своей кровати. Тут принесли еду, и ужин удался на славу. Гость казался благородным, был обходителен и весел, так что никто, кроме деда, уже не вспоминал о тех лохмотьях, в которых незнакомец вошёл в дом с непогоды. Да и дед заметно подобрел после того, как увидел, что хотя гость и ест и пьёт, как подобает высокоородному человеку, но не требует такого обилия для насыщения своей утробы, как Стефан.

Прежде чем все начали есть, гость произнёс:

– Раз вы, даже не узнав моего имени, так добры ко мне, я скажу вам, что меня называют Странником, и да возрастёт добро сего дома!

Затем чаша пошла по кругу, и пили до поздней ночи. Когда же выпили по последней, Осберн отвёл Странника в комнату для гостей, поцеловал на ночь, но ничем не выдал, что узнал его.

Глава XIII

Железноголовый даёт Осберну меч Широкий Косарь

С наступлением утра гость вышел в зал, где уже собрались все домашние, и сказал хозяйке:

– Госпожа, я бы хотел снять одежды, что ты одолжила мне вчера вечером, и вновь надеть мои, а эти оставить здесь, но свои я не нашёл.

– Ни ты, никто другой, дорогой гость, не найдёт этих тряпок, – отвечала она, – разве что они вновь обретут жизнь, когда на Страшном суде ты воскреснешь из мёртвых, ведь час назад я с миром погребла их в саду. Спаси нас Господь, если в Ведермеле не могут потратить ярд-другой домотканины на гостя, чьи одежды изорвала буря.

Странник удовлетворённо кивнул ей, Осберн же спросил:

– Скажи, гость, куда ты поскачешь утром, ибо я хотел бы немного проводить тебя.

– От твоей двери я направлюсь на юг, добрый хозяин, – отвечал Странник, – что же до «поскачешь», то скакать мне придётся на своих двоих, если я не захочу стать конокрадом.

– В этом нет необходимости, – возразил Осберн, – мы найдём тебе доброго коня, и если ты не вернёшь его обратно, то невелика потеря: меньше сена на зиму запасать. Стефан, сходи посмотри, чтобы кони были осёдланы и взнузданы к тому времени, когда мы перекусим.

Гость засмеялся и, взглянув на деда, спросил:

– А что ты скажешь, хозяин, принимать ли дар?

Дед немного печально улыбнулся:

– Принимать. Поистине, это дело мальчика дарить, ибо всё это однажды станет его, и неважно, много ли останется к тому времени.

– Я принимаю дар, – ответил гость. – Он от чистого сердца. Но прости меня, хозяин, если не смогу расплатиться с вами, ибо в дом ваш я пришёл оборванцем.

После этого разговора все сели завтракать. Ветер, дувший прошлым вечером, совсем утих, небо прояснилось, солнце светило ярко, и было почти тепло для середины осени. Осберн подал Страннику запечатанный свёрток, тот принял его и, приторочив к седельной луке, вскочил в седло сам. Осберн, одетый в свой праздничный наряд, тоже оседлал коня, и они отправились к холмам. Ехали быстро, почти не разговаривая друг с другом.

Так они, миновав последнюю на пути к горам хижину, оказались в прелестной лощинке, через которую к Разлучающему потоку бежал прозрачный ручей. Вся она заросла кустами и небольшими деревцами, и в ней-то Странник, вернее Железноголовый, натянул поводья и сказал Осберну:

– Мне кажется, мы далеко заехали, и тебе нет нужды провожать меня ещё дальше, парень, так что давай спешимся и присядем у ручья.

Так они и сделали. Коней привязали к терновому кусту неподалёку, Странник снял с седла свой свёрток и спросил Осберна:

– Угадаешь, что это такое?

Осберн покраснел:

– Это меч, который ты обещал мне прошлой весной.

Странник рассмеялся:

– Острый у тебя взгляд – разглядеть меч под всеми этими навощёнными холстинами, которыми я обернул его. Уверен, это взгляд воина. Ты правду сказал – это твой меч.

И он начал разворачивать ткань, а мальчик нетерпеливо следил за его движениями.

Наконец, показались эфес и ножны: золотые навершие и перекрестье эфеса были выкованы так искусно, как не мог бы выковать в то время ни один кузнец, черенок же был обмотан

золотой проволокой. Сделанные из коричневой воловьей кожи ножны, в которых скрывалось несущее смерть белое лезвие, усеивали золотые и серебряные шишки. Завязки из алого шёлка также оканчивались золотыми головками.

Осберн произнёс:

– О, как ты добр, раз принёс мне этот меч. Можно его подержать?

– Можно, – улыбнулся Железноголовый, – только осторожно, осторожно! – Он увидел, что юноша взялся за завязки. – Не развязывай эти завязки, иначе тебе не устоять – и ты вытянешь меч. Он выкован мастерами давно ушедших лет, а зовётся Широкий Косарём, и такой ярый и своевольный, что никогда не вернётся в ножны, пока не заберёт чью-нибудь жизнь. Поэтому всегда будь осторожен, ибо он нанесёт большой ущерб, если ты обнажишь его пред небом и землёй, не имея на то должного повода.

Храбрый юноша несколько испугался, но спросил:

– Скажи мне, славный лорд, когда я должен вынимать Широкий Косарь?

Железноголовый ответил:

– Только когда пред тобой предстанет враг, тогда смелее вынимай меч, ибо его лезвие никогда не затупится ни от злого глаза, ни от козней колдуна, как это иногда случается с обычными клинками, выкованными в наши дни. Могучий муж шептал над ним многие заклятия, и ни один клинок не осилит твоего, разве только его брат, выкованный теми же руками, если таковой существует на земле, что едва ли. Вот у тебя и появился меч. Но я хочу предупредить тебя: не будь ни смутьяном, ни буяном и не вынимай Широкого Косаря в глупой ссоре или по приказу тирана да злодея, ибо тогда твоя удача оставит тебя, пусть даже этот клинок, что лежит сейчас в ножнах, останется при тебе. Но, думаю, ты не нарушишь ни одного из этих моих указаний. И ещё скажу тебе: ты хорошо принял меня прошлым вечером. Ибо хотя ты вскоре и понял, кто перед тобой, но сперва, когда ты взял меня за руку и провёл к огню на глазах у своих домочадцев, ты ещё не узнал меня, и я был для тебя всего лишь оборванным бродягой, которого твой дед охотно выставил бы обратно, под дождь. Но ты обошёл со мной не хуже, чем с лордом или графом.

Теперь следует поведать, что когда Осберн услышал эти слова, он впервые узнал, что такое похвала, и сердце его запрыгало, доблесть возросла, лицо засияло, а глаза заблестели от слёз. Вслух он не произнёс ни слова, но про себя поклялся, что не окажется хуже, чем думает о нём его друг Железноголовый.

Затем он взял меч, препоясался им и сказал:

– Господин, меч этот недлинный, но большой и тяжёлый, и думаю, моей детской силы не хватит, чтобы владеть им. Не следует ли отложить его до тех пор, пока я не стану взрослым?

– Мы позаботимся об этом, милый юноша, – ответил Железноголовый. – Через час у тебя будет достаточно силы для Широкого Косаря, хотя и после этого она будет прирастать из года в год и из месяца в месяц.

Глава XIV

Дары Железноголового

Тем временем наступил полдень, и солнце пекло довольно жарко. Осберн с Железноголовым, беседуя, лежали на траве, и юноша глядел на воду. Уже сильно вспотев, он, как и любой мальчишка на его месте, пожелал окунуться в сверкающий ручей и наконец произнёс:

– В такой жаркий полдень я бы хотел искупаться, если ты не против.

– Это хорошая мысль, парень, – ответил Железноголовый, – и, более того, если я намерен сделать тебя сильнее, то тебе придётся раздеться.

И вот они оба сняли свои одежды и вошли в самую глубокую заводь, что находилась поблизости. Железноголовый и одетым выглядел благородно, но нагим он казался ещё благороднее: это был осанистый мужчина с такой ладной фигурой, что вряд ли у кого можно было найти лучше. Осберн же, раздевшись, стал казаться рядом со своим другом маленьким и, подобно всем отрокам, худощавым, хотя и был довольно статен для своих лет. Вскоре Железноголовый вышел из воды и оделся, а Осберн ещё некоторое время играл в ручье. Тогда Железноголовый подозвал к себе отрока, чтобы тот подошёл таким, каким был, нагим, и сказал ему:

– Вставай, малый, передо мной, и я наделю тебя ещё одним даром, вполне сравнимым с Широким Косарём.

Юноша встал перед ним, и Железноголовый сперва возложил руки ему на голову и, подержав их там некоторое время, переложил на плечи и руки мальчика, и на ноги, бёдра и грудь, и далее по всему телу. Одновременно с этим он произносил такие слова:

– В наши дни и в дни прежние у отцов был обычай благословлять так своих детей. Но твой отец мёртв, а твой ближайший родственник малодушен да и почти простолюдин. А потому я делаю то, что сделал бы твой отец, я занимаю его место, ибо я один из воинов прошлых лет. Думаю, это поможет тебе. У меня родилась одна мысль: ведь если ты собираешься жить так, как я предполагаю, и вершить те деяния, какие я ожидаю от тебя, то не пройдёт много времени, прежде чем тебе понадобится эта помощь. Теперь всё готово, ты можешь одеться и немного отдохнуть, а потом я покину тебя, оставив ту силу, что даровал сейчас, и ту доблесть, что возросла сегодня в твоём сердце.

Они легли на полянке и отдыхали. Осберн захватил с собой пирогов, сыра и бочонок славного пива*, и они перекусили в своё удовольствие. До сих пор Железноголовый не сказал ни слова ни о своём народе, ни о прежних временах, он говорил только о диче, рыбе и прочих существах, что обитали в этой лощине, а также о стрельбе из лука и других занятиях воина. Затем они поднялись и направились к своим лошадям, и Железноголовый сказал Осберну:

– Прибавилось ли у тебя сил, парень? Ты уже лучше управляешься с Широким Косарём?

Малец потянулся, и взял меч за рукоять, и потряс им над головой, и помахал вокруг себя, и подбросил его в воздух, а затем произнёс:

– Видишь, господин? Мне кажется, сила моя возросла так, что я теперь смогу переплыть непреодолимые воды Разлучающего потока.

Человек с холмов рассмеялся:

– Конечно-конечно, и мы знаем, что это доставило бы тебе большое удовольствие, но оставь подобные мысли, сын мой, прошу тебя, ведь с начала мира ни один человек из народов, населявших долину, не смог преодолеть Разлучающий поток. Сейчас же мы на время расстаемся. Что же до коня, то дед твой ничего не потеряет, а, наоборот, многое приобретёт, ибо я беру его ради тебя и, прежде чем пройдёт много дней, пошлю его обратно в Ведермель. Прощай, сын мой!

Он поцеловал мальчика и, направившись на юг, пересёк ручей и поднялся по противоположному склону лощины. Осберн некоторое время стоял у своего коня, глядя вслед всаднику, на избранный им путь, а затем вскочил в седло и поскакал домой. Сперва он был несколько удручён расставанием со своим новым отцом, но немного погодя, думая о подарке, о свежей силе, о достоинстве и радостях жизни, он вновь стал весел, словно вся земля в его глазах обновилась.

Вы будете правы, если решите, что когда Осберн в очередной раз пришёл к Излучине Расколотого холма (а это случилось на следующий же день), он опоясался Широким Косарём, чтобы показать его своей подруге. Девочка, увидев его, несколько посерьёзнала и произнесла:

– Прощу тебя, Осберн, не доставай его из ножен.

– Я в любом случае не могу сделать этого, – ответил юноша, – ведь мне запрещено обнажать его, если предо мною нет врага, ибо каждый раз, когда его обнажают, он забирает жизнь, прежде чем вернуться в ножны.

– Я боюсь, – сказала она, – что тебе часто придётся обнажать его, так что о нём сложат бесчисленные легенды, и в последней из них будет говориться о твоей смерти.

С этими словами она закрыла лицо руками и заплакала, он же утешал свою подругу, подбирая самые нежные слова, утешал, пока слёзы её не иссякли.

После она долго, с любовью смотрела на него и, наконец, произнесла:

– Не знаю, почему, но мне кажется, что ты изменился и уже меньше похож на ребёнка, словно в тебя вошла новая сила. Я не могу сейчас спросить, кто сделал это с тобой и кто дал тебе меч, ведь если бы ты мог, ты рассказал бы мне. Но ответ, всё это ты получил от друга или от врага?

Осберн сказал:

– Правду ты говоришь: я не могу поведать тебе имя моего дарителя, могу только сказать, что он друг. Но ответ, разве ты не рада этим дарам?

Эльфхильд улыбнулась:

– Я должна радоваться и радовалась бы, если бы могла, но мне кажется, ты взрослеешь быстрее меня, а это плохо, ибо так ты отдаляешься больше, чем мы разделены сейчас.

И вновь ему пришлось успокаивать её нежными словами, а потом он метнул через реку одну брошку, что Стефан дал ему утром, и вскоре девушка пришла в себя, села и рассказала ему сказку о былых временах, и они расстались счастливыми, и Осберн пошёл домой, в Ведермель. Но не успел он пробыть дома и две минуты, как к двери подскакал всадник, юноша в нарядных одеждах и алом плаще, и конь под ним был украшен лучшими из сёдел и уздечек, да ещё серебряными удилами, но несмотря на всё это, как Осберн, так и Стефан, стоявший у дверей, признали в коне того жеребца, на котором Странник выехал с их двора прошлым утром.

Всадник воскликнул:

– Это место называется Ведермель?

– Да, – отозвался Осберн, – а что тебе надо?

– Я хочу видеть хозяина, – ответил парень.

– Он ещё в поле, – сказал Осберн, – но если ты зайдёшь и перекусишь да выпьешь, то вполне может быть, что и дождёшься его: он не должен задержаться надолго.

– Не могу, – возразил парень, – ибо времени у меня нет, а потому я скажу вам то, что должен был передать ему, это не займёт много времени. Вот что: Странник возвращает коня, которого ему одолжил хозяин Ведермеля, и просит сохранить сбрую на память о нём.

С этими словами он в мгновение ока спешился, вышел за ворота и направился прочь так быстро, что через миг Стефан и Осберн потеряли его из виду. Стефан рассмеялся и сказал Осберну:

– Странник не любит оставаться в долгу, сегодня вечером нашего хозяина ожидает радостное известие. Но смотри! Взгляни на подковы! Если мне когда-либо доводилось видеть серебро, чтобы отличать его от других металлов, то конь подкован серебром!

И в самом деле, как и сказал Стефан, подковы оказались серебряными, да ещё и в дюйм толщиной.

Вскоре домой пришёл дед, ему поведали новости, и он, сильно обрадовавшись, сказал, что в Ведермель, наконец, пришла удача. Более того, позже оказалось, что конь преобразился и после возвращения стал лучшим жеребцом на пастбищах Ведермеля.

Глава XV

Мрачный Джон приводит в Ведермель гостя

Дни проходили, и настала зима. Ничего нового, о чём стоило поведать, не случилось, пока вдруг однажды, когда начинало смеркаться, а все домашние сидели вместе в зале, кто-то не постучал в дверь. Стефан пошёл открывать её, и с кем же он вернулся в залу, как не с Мрачным Джоном, приведшим с собой незнакомца, высокого, крепкого мужа, темноволосого, рыжебородого, с широким бородавчатым лицом, карими глазами, румяными щеками и заносчивыми манерами. Он был подпоясан мечом, на спине его висел щит, в руке он держал копье и был одет в длинную кольчугу, доходившую ему до колен*. Прежде чем Мрачным Джон успел вымолвить хоть одно слово, незнакомец громким голосом спросил:

– Эй, народ, можно ли Хардкастлу переночевать здесь?

Дед вздрогнул от вида и голоса гостя и ответил:

– Да, конечно, лорд, если вам это требуется.

Осберн же оглянулся через плечо, ибо сидел спиной к двери, и произнёс:

– Еда, питьё и крыша над головой даруются каждому, кто войдёт в этот дом, будь он графом или простолюдином.

Хардкастл нахмурился:

– Я не граф и не простолюдин, но зарабатываю на хлеб своей собственной рукой. Я принимаю твоё предложение, хозяин, на эту ночь. А завтра посмотрим, что будет. Что же до этого мальчика, то я сегодня же немного поучу его манерам.

С этими словами он подошёл к Осберну и дал ему из-за спины пощёчину. Мрачный Джон засмеялся и, скорчив гримасу, произнёс:

– Хо-хо! Получил, молодой волкобоец? Приходит конец твоей власти!

Но ни пощёчина, ни насмешка не заставили Осберна вздрогнуть или даже изменить выражение лица.

Тогда Хардкастл сказал:

– Ха-ха! Так это тот самый парень, убивший волков, что заставили тебя побегать, Джон?

Он пригодится в хозяйстве.

Джон замолчал и немного покраснел, а Хардкастл произнёс:

– Теперь покажи, куда мне сложить оружие, ибо мне кажется, что я не захочу воспользоваться им, пока нахожусь в этом дружелюбном доме.

Осберн проговорил через плечо:

– То, на что рассчитываешь, свершается, но может произойти и неожиданное.

Хардкастл вновь нахмурился, но на этот раз не стал бить юношу, он был занят тем, что снимал кольчугу, которую затем Стефан забрал вместе с остальными доспехами и оружием и повесил на крючки в другом конце зала. Вернувшись, Стефан встал перед Хардкастлом, словно ожидая приказаний, но воин сказал:

– Это ещё что за здоровый увалень? Как его зовут? И что нужно этому болвану?

Стефан ответил:

– Я хочу служить тебе, благородный сэр, а имя моё Стефан Едок, но я проглатываю грубые слова хуже, чем всё остальное.

Хардкастл поднял правую ногу, чтобы пнуть Стефана под зад, но тот ловко выставил свою, толкнул противника в грудь и свалил. Тот поднялся в сильной ярости и собирался было броситься на Стефана, но увидев, что у Едока за поясом заткнут большой нож, не стал, будучи в тот момент полностью безоружным. Стефан же сказал:

– Пол у нас несколько скользковат для танцев, достойный сэр.

Тут поднялся Осберн, встал перед гостем и, низко поклонившись ему, произнёс:

– Благородный сэра, прошу тебя простить нашего слугу Стефана, ведь ты видишь, как он неуклюж, совсем не знает, куда деть свои длинные ноги, он постоянно мешается всем на пути.

Когда он говорил это, лицо его расплылось в улыбке, и он вновь поклонился. Стефан, удивлённо уставившись на отрока, отошёл назад. Гнев сошёл с Хардкастла, он взглянул на Осберна и произнёс:

– Нет, ты, оказывается, смелый малый, не тот малыш, каким я тебя считал. Может, я и сделаю что из тебя.

Тут принесли еду, все сели за стол, и Хардкастл ел в своё удовольствие, хозяин же если и не был в добром расположении духа, то усердно старался делать вид, что в нём пребывает. Хардкастл, сидевший по правую руку от хозяина, поев немного, произнёс:

– Хозяин, твои женщины, несомненно, когда-то были прекрасны, но сейчас они немного постарели. У тебя здесь нигде не прячется или, может, в поле, или в какой-нибудь лачуге кто-нибудь помилее? Кто-нибудь с гладкими боками, круглыми руками, прекрасными ногами и ступнями, кто сделал бы нас веселее и, возможно, добрее, если бы кто такой нашёлся.

Дед побледнел и, заикаясь, сказал, что это все женщины в Ведермеле. А Джон воскликнул:

– Я ведь говорил тебе то же самое, воин. И не думай, вверх и вниз по долине полно красивых женщин, и ты добьёшься одной-двух без усилий, любовью или страхом.

Хардкастл рассмеялся:

– Так сходи и приведи их ко мне, Мрачный Джон. И смотри сам, что тебе покажется лучше – любовью или страхом.

Все рассмеялись, хорошо зная дурной характер и трусость Джона. Джон же покраснел и посинел от ярости. А Осберн не мог не вспомнить о милой девушке, чью руку он держал на празднике Расколотых холмов. Он подумал, что если Хардкастл причинит ей какой-нибудь вред, то Широкий Косарь ради того, чтобы защитить её, может увидеть солнце.

Немного погодя Осберн повернулся к Джону и заметил, что нож того лежит на столе, хороший такой нож, с резной рукоятью. И Осберн сказал:

– Твой кинжал кажется мне красивым, но необычным, Джон. Подай-ка мне его.

Джон так и сделал, и юноша взял кинжал у самого острия большим и указательным пальцами и свернул его в бараний рог, а затем вновь вернул его Джону со словами:

– Теперь твой кинжал ещё более необычный, Джон, хотя и менее полезный, чем был.

Все подивились силе юноши, кроме Мрачного Джона, который раскричался, восклицая, что нож его испорчен, но Хардкастл, в чью голову уже ударило вино, прикрикнул:

– Помолчи, Джон, несомненно, у этого малыша достаточно силы, чтобы распрямить твой кинжал, раз уж он согнул и скрутил его. Клянусь святой мессой, он ловкий кузнец и будет мне славным помощником.

Осберн протянул руку за ножом, и Джон отдал оружие, а юноша, взяв его за кончик, как и раньше, в мгновение распрямил, а затем передал его обратно Джону со словами:

– Пусть завтра наш слуга Стефан один-два раза приложится к клинку молотом, и твой нож станет так же хорош, как и раньше.

Все удивились, впрочем, Хардкастл, к тому времени уже не очень хорошо видевший, попросил отвести его к кровати, и хозяин, взяв воина под руку, проводил его в комнату для гостей, а сам лёг в углу зала. И вот все улеглись, и ночью дома царил покой, только хозяин спал плохо, ибо ему снились перерезанные глотки и подожжённые крыши.

Глава XVI

Хардкастл хочет захватить Ведермель

На следующее утро, когда все проснулись, Хардкастл долго оставался в постели. Но только на столе появилась еда, как он вышел в залу, сел и ел без слов и, казалось, был так же мрачен, как Джон. Но вот посуду убрали, и, по крайней мере женщины, как мне представляется, правда, только они, ждали, что Хардкастл потребует коней и отбудет, но он откинулся на высокую спинку своего кресла и медленно, развязно произнёс:

– Это место, Ведермель, мне вполне подходит. Богатый дом, хорошая земля, и всё это только умножится, если я окружу его канавой и стеной и заведу здесь, так сказать, хороших парней, которые будут послушны моим приказаниям, если чего-то в нашем изобилии будет недоставать, мы восполним это своими силами. Но о подробностях я подумаю позже, а сейчас до окончания зимы и прихода весны я больше не заговорю об этом. Что же до вас, люди, а мои слова касаются и того здорового увальня, я скажу так: вы, женщины и все прочие, у вас будут и еда, и питьё, и кров, пока вы быстро исполняете мою волю и умело служите мне, если же нет, то собирайте свои вещи и уходите, ничего дурного я вам не сделаю. Слышали вы меня и подчинитесь ли мне?

Женщины побледнели и дрожали, хозяина сильно трясло, а Мрачный Джон ухмылялся рядом с ними. Осберн мило улыбался, но молчал. Он был препоясан Широким Косарём и одет в багрянец. Стефан же стоял перед Хардкастлом с угрюмым выражением лица, как казалось со стороны, только косился на него, уставив свой длинный нос в пол.

Хозяин вышел вперёд, встал на колени перед разбойником и произнёс:

– Господин, мы исполним твою волю, но не можешь ли ты сказать нам, где ты взял власть и право, чтобы забрать всё наше богатство и превратить нас в своих невольников?

Воин засмеялся:

– Это хороший вопрос, хозяин, и я не премину показать тебе моё право.

С этими словами он достал свой меч, большой тяжёлый клинок, и с грохотом бросил его на стол перед хозяином, вымолвив:

– Вот моё право, хозяин. Тебе нужно иное?

Хозяин застонал и произнёс:

– Господин, я прошу тебя хотя бы не забирать у меня всё, что есть, но оставить что-нибудь на жизнь, а я из этого буду платить из года в год, если год выдастся удачным.

– Друг мой, – сказал Хардкастл, – по праву, что лежит пред тобой, я забираю всё твоё богатство и, если захочу, не оставлю тебе ни капли. Но посмотри, как добр я к тебе и твоим близким. Разве не сказал я, что вы можете остаться в этом доме, в досталь есть и пить и проводить ночи в тепле, пока будет на то моя воля?

– Сказал, – кивнул хозяин, – но мы должны будем работать, словно невольники.

– Ну и болван же ты, – произнёс на это Хардкастл, – какое тебе до того дело? Разве ты не будешь работать так же усердно, как и прежде, или так же усердно, как работал бы на меня, будь я твоим гостем? Нет, хозяин, неужели ты выпроводишь меня из дома, отказав в гостеприимстве? Что скажешь на это, мой остренький Весельчак? – произнёс он, беря в руки свой меч. Тут хозяин отполз в сторону, и Мрачный Джон рассказывал потом, что он заплакал.

Но вдруг вперёд вышел Осберн, сама любезность, всё так же улыбаясь, как прежде, он произнёс:

– Достойный сэръ, одно я прошу тебя сказать мне: нет ли какого способа избавиться от неволи, ведь ты знаешь, никто не захочет быть невольником, если может этого избежать.

– Ну, парень, – ответил воин, улыбаясь, ибо теперь, после разговора с хозяином, он был уже в лучшем расположении духа, – когда ты подрастёшь, ты узнаешь, что твои слова не совсем верны и что многие и не против побыть в неволе. Что же до того, как избежать её, об этом я расскажу тебе, ведь я как раз хотел поведать об этом хозяину, хотя из-за его малодушия и не надеюсь встретить в этом доме достойного сопротивления, разве только от этого увальня напротив... Что? Почему ты косишься, словно хочешь, чтобы твои глаза появились с другой стороны головы?

Стефан ответил:

– Я так испугался тебя, достойный сэра, что даже не знаю, куда смотреть, и подумал: будет меньше вреда, если смотреть вдоль носа.

Хардкастл сказал:

– Я уже знаю, как поступлю с тобой, невежа ты, деревенщина, и в первые же дни моего господства твоя шкура заплатит за твою дурь.

Стефан больше не косился, но кинжал его по-прежнему оставался у него за поясом.

Теперь Хардкастл обратился к Осберну:

– Ну, я скажу тебе о том, как избавиться от неволи, как ты её называешь, и более того, мальчик, я сделаю это, потому что ты станешь моим человеком, храбрым и ловким, в чём я ни капли не сомневаюсь, а для этого тебе надо как можно раньше узнать о жизни великих и храбрых мужей. Слушай! Всякий раз, когда я предлагаю кому-нибудь сделать то, что кажется этому человеку тяжёлым, я прошу его, если ему не по нраву мои слова, указать мне огороженное поле поближе к его дому, и тогда мы вместе идём туда и выясняем, что могут сказать наши клинки. Если же он убьёт меня или ранит так, что я не смогу покинуть поле боя иначе, чем на носилках, то он хорош и заслужил победой надо мной большую славу. Более того, если он не может драться сам, я согласен встретиться с любым защитником, которого он для себя назначит. Это старый добрый обычай храбрых, он берёт своё начало с незапамятных времён. Мне и в самом деле жаль, что сегодня хозяин и драться не может, и защитника не имеет, который бы дрался за него. Но я даю ему три дня на то, чтобы он нашёл такого защитника... Ты, подлец, – он обернулся к Стефану, – почему ты опять косишься на меня?

– Потому что защитник найден, – ответил Стефан гнусавым голосом.

Хардкастл фыркнул, и его борода встопорщилась, но тут вперёд вышел Осберн. По-прежнему улыбаясь, он произнёс:

– Воин, я предлагаю тебе на выбор три выхода. Первый: покинь наш дом вместе со своим человеком. Ты обошёлся с нами не так, как полагается гостю: ударил меня, запугал всех и при этом нагло не хотел признаваться в том, что совершаешь преступление. Это лучший выход из твоего глупого положения. Что ты скажешь на это?

Но в сердце разбойника сейчас бушевал такой гнев, что он не нашёлся, как ответить Осберну, и только ёрзал в своём кресле, фыркая и отдуваясь. Осберн же продолжил:

– Я вижу, ты не принимаешь этого предложения, но тем только хуже для тебя. Второе, что ты можешь сделать, это найти поле для сражения. Согласен ли ты на это?

Воин взревел:

– Да, согласен! Но в таком случае ты возьмёшь меч и щит, а я пучок берёзовых розог, и если я не сумею поймать тебя, стащить штаны и выпороть, как учитель грамматики своего ученика, то я навсегда заброшу своё оружие.

Осберн холодно произнёс:

– Ты не видишь, что я опоясан мечом и, скажу тебе, славным? Или, может быть, ты возьмёшь нож Мрачного Джона и повторишь этим утром то, что я сделал с ним прошлым вечером, а сделал я это, чтобы предупредить тебя, но, похоже, ты был пьян и ничего не заметил.

Лицо Хардкастла несколько осунулось, ибо теперь он вспомнил трюк с ножом, но Осберн продолжил:

– Я спрашиваю тебя, воин, выйдешь ли ты в поле, что я найду для нас?

Голос разбойника теперь стал тише:

– Не могу же я драться с ребёнком: убью ли я его или буду убит им, это же опозорит меня.

Осберн ответил:

– Тогда покинь этот дом, и ты сможешь оставить себе ту честь, что возможна у разбойника и подлеца. Если же тебе не нравятся оба исхода, то я вытащу свой клинок и нападу на тебя, чтобы убить, и мне поможет стоящий рядом с обнажённым кинжалом в руке слуга Стефан, верный и бесстрашный муж. А я вполне могу это сделать, даже если считать, по твоим собственным словам, что ты находишься не в нашем доме, а в своём собственном.

Харкастл поднял голову, ибо некоторое время назад он её повесил, и хрипло произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.